

ВЛАДИМИР ЕРАНОСЯН

МЕДИАКИЛЛЕР

НЕУДАВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЕСТЬ МЯТЕЖ...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Максимович Ераносян

Медиакиллер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55841283

SelfPub; 2022

Аннотация

Проект «£» (Либра) предусматривает насильственное свержение власти в России. Могущественный клан поручил реализацию плана международному авантюристу Полу Уайту с позывным "Суфлер". Успех операции зависит от того, удастся ли развязать войну между Россией и Украиной. Последнее недостающее звено авантюры – вызывающий абсолютное доверие населения Медиакиллер. Такой человек есть. Он плавает в ТВ и веб-пространстве словно рыба в воде. И он давно живет по правилам, продиктованным коррупцией на российском телевидении, где в эфир без «отката» не влезть, и где даже за ротацию блестящего контента приходится платить. Похоже, Влад Максимов готов пойти на все ради популярности...Содержит нецензурную брань.

Владимир Ераносян

Медиакиллер

роман-предостережение

Неудавшаяся революция есть мятеж.

Все описанные события являются плодом авторского воображения. Совпадения имен случайны, выводы не злонамеренны и носят рекомендательный характер

Глава 1. Свободное время есть даже у тех, у кого нет свободы.

Я стоял за кафедрой и машинально читал текст лекции для слушателей курсов телевидения. У меня появилось свободное время, и я согласился преподавать за мизерный гонорар в школе-студии «Останкино», сменяя в аудитории признанных мэтров. Чего стесняться, ведь здесь были Владимир Познер и Юрий Николаев, хотя на кафедре кто-то аккуратно выцарапал надпись, что здесь был Вася. И невзирая на то, что легендарного Николаева не сочли нужным поставить в известность об использовании его имени в рекламе курсов, стоимость которых обошлась каждому студенту в 10500 евро, учиться здесь считалось престижным. Причем, заплатив

эти деньги, любой студент был уверен на все сто, что попадет в «мастерскую Николаева». Так довольно нагло утверждалось в рекламе. Похоже, наглость была приватизирована именно здесь, на Королева 12*...

Студенты внимали с почтением, но без особого интереса, ожидая, когда я оторвусь от бумажек, оживлюсь и буду готов к дискуссии. Больше других этой дискуссии ждал мой постоянный оппонент – веснучатый очкарик с оттопыренными ушами. Беспокойный пассажир – двойник Гарри Потера... Я был сам виноват, когда сказал студентам о своем неприятии менторского тона лектора и готовности обсуждать те темы, которые им интересны, активно претворяя в жизнь американскую модель обучения. Наконец, «Потер» дождался...

В приватном разговоре с автором «СУФЛЕРА» знаменитый советский и российский телеведущий Юрий Николаев признался, что не стал в судебном порядке отстаивать свои права о несанкционированном использовании «бренд-нэйма» и архивных записей передач с его участием только из-за того, что уже привык к подобному отношению со стороны телевизионных бонз. Народный артист России, подвизавшийся на коммерческом телевизионном поприще одним из первых, взяв в 1991 году огромный кредит в банке и рисквавший потерять все в случае провала проекта «Утренняя звезда», поражен, что сегодня на телеканалах процветает «семейный подряд». Никто ничем не рискует, монополизируя полный цикл проекта от его производства, пост-про-

дакшена, рекламы во всех подконтрольных программах, покупке и прокате продукта. Однако, 61-летний метр телевидения, стараниями которого немало артистов превратилось в признанных народом звезд, уверен, что нельзя приватизировать зрителя, а тем более, талант... (*Здесь и далее комментарии автора*).

– Спрашивайте, – я окинул всех высокомерным взором и дал отмашку.

– Кризис – это заговор мирового закулисья, или объективный экономический коллапс?

Придется опять корчить из себя биржевого аналитика. Я так и знал, что первым и скорее всего единственным будет сей тревожный очкарик. Кто-то говорил мне, что он «нацбол»*. Гибрид из взаимоисключающих идеологий уютно уместился в его мечущейся голове. Это все равно, что скрестить кенгуру и коалу. Кавээнщики утверждают, что детеныш, полученный в результате этой случки, уснет в прыжке, на лету. Парадоксальная смесь интернационализма с нацизмом плодила вот таких дотошных очкариков с путаницей в голове и язвительной усмешкой на устах. Такие перед революцией бросали бомбы в царя, а после революции – в вождей пролетариата. В России всегда найдется неугомонный бомбист...

– А ты как думаешь? – я позволил себе передышку, собираясь с мыслями.

*нацбол – адепт незарегистрированной экстремистской национал-большевистской партии, вождем которой считается писатель и политик Эдуард Лимонов. Близкие по духу и экипировке нацболам «скинхеды» пренебрежительно величают лимоновцев «шарпами» или «красными скинами», не уставая разоблачать Лимонова как деятеля с нетрадиционной сексуальной ориентацией с приоритетом собственного Пиара в ущерб задачам организации.

– Думаю, это заговор против России. Медиа-война. «Америкосы» специально устроили у себя рецессию и кризис ипотеки, чтобы сбить цены на нефть и спасти свой доллар. Посеяли панику в мире с помощью СМИ, развалили национальные валюты и теперь в шоколаде.

– Значит, по-твоему, они самые умные? – снова спросил я.

– А Вы думаете, что мы умнее? – как всегда, это был диалог с очкариком. Остальные студенты просто слушали, – Они ведь добились своего – стабфонд тает как снеговик весной. Скоро останется одна морковка, которую нам придется съесть! Не так? И безработица. Если б в России были независимые профсоюзы – люди давно бы вышли на улицы...

– Мне грешным делом кажется, что американцы меньше мечтают о дестабилизации России, чем ты о восстании. Не в одной ли вы упряжке? Неужто все так плохо? Единственное, с чем я могу согласиться, так это с тем, что медиа-война идет с переменным успехом. И с чем я не соглашусь никогда –

что мы не научились противодействовать информационным угрозам извне. Просто были семь тучных лет, а теперь настали не самые лучшие времена...

– И это говорит информационный киллер номер один? – вызвал улыбки аудитории въедливый студент. И тут я заметил, что его мало интересует реакция всей аудитории. Он рассчитывал на плебисцит иного рода. Слева, на первой парте сидела довольно сексапильная брюнетка. Я, кажется, видел ее в минувшую пятницу в клубе «Сохо» в компании «мумифицированных» звезд, которые никак не могли понять двух вещей – что они постарели, и что они уже ничего не решают. И что тут странного... Кто не тешит себя иллюзиями – пусть присматривается к погосту...

Да, это она щипала кумира 80-ых за седой загривок, улыбаясь свежестью и упиваясь самой откровенной лестью своих конкуренток, коей является зависть. При всем при этом она успевала строить глазки и мне. Мне, а так же никелевому магнату, бывшему футболисту, брянскому мяснику, кучерявому девелоперу, кредитующему девелопера банкиру, прикрывающему банкира девелопера чиновнику, икорному контрабандисту, известному комику и неизвестному драматургу. Непризнанный гений попал в поле ее зрения только потому, что был похож на влиятельного сенатора и птицеведа, активно выступающего против вступления России в ВТО...

– Номер один? Вы мне льстите. К тому же я бывший, – поправил его я.

– А что бы Вы посоветовали действующим? Как обезопаситься? – тренировался брат интервью очкарик.

– Способов тьма. Можно отвлечь – подменить главное событие. Можно исказить – извратить его суть. Можно дискредитировать источники информации противника и героизировать наши. Где-то опровергнуть, где-то умолчать. Или масштабировать нужные детали события. Или стать нюсмейкером, сказать первым о том, что еще не стало новостью номер один, но наверняка вызовет общественный резонанс. Есть еще псевдо-опровержение – это когда мы опровергаем то, чего нет, чтобы оно было. Дезинформация, наконец. Поверьте, в России есть специалисты по части организации паники и ее нивелирования.

– То есть народ всегда можно запутать, заболтать, обмануть, склонить общественное мнение на свою сторону. Мы что и впрямь «медиасапиенс», планктон, амебы? Мы – безропотное быдло и нами так легко манипулировать?

– Я так не думаю. Есть одна вещь, которая все перечеркивает.

– Какая? – почти хором спросили студенты.

– Нет ничего тайного, что когда-нибудь не станет явным... Это ахиллесова пята любой медиа-войны. Я не испытываю пиетета перед Геббельсом. Информационный киллер фюрера был успешен только в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Его медиа-война в итоге была с треском проиграна союзникам... Хотя, безусловно, пропагандистская ма-

шина, построенная третьим Рейхом, была мощным инструментарием идеологии нацизма. Фюрер был блестящим оратором, и Геббельс виртуозно владел словом. Своим словом они пестовали свой миф и заставили поверить нацию, что этот миф – реальность. Потом миф был развенчан историей, но слово еще будоражит умы. И спустя время рождает новые мифы. Слово есть поступок. Это сказал Лев Николаевич Толстой.

Одно слово, пророненное в телеэфире, может изменить историю. И не всегда оно исходит от медиа-комбинаторов, заносчиво полагающих, что они оседлали общественное мнение и дергают его за ниточки... Есть что-то, что не подвластно манипуляции. Что умнее, могущественнее, влиятельнее медиа-ресурса. Я не знаю, что это – случайность, человеческая совесть, герой-одиночка или Бог, но это есть...

– Снова эта детская сказка про героя-одиночку! – поправил очки неутомимый спорщик, – Будто нет системы, которая контролирует телевидение. Нет чекистов-цензоров. Нет суфлера, чей текст воспроизводит диктор. А может скажете, что это инкубаторское вещание – лишь самоцензура?

– Это хорошо, что Вы не верите в силу одиночки. Значит, детство закончилось, – согласился я, чем вызвал одобрительный смех аудитории. Лучший способ завоевать симпатию слушателей – уместная шутка.

– Значит ли это, что журналист Вашего уровня не может быть неангажированным? – снял очки мой оппонент. При

этом парень опустил глаза, достал платок и принялся бережно протирать линзы. Они запотели, а ему так хотелось наблюдать за темноволосой красоткой.

– Может... – после недолгой паузы ответил я. – Но тогда быть ему изгоем. Это трудно, экономически невыгодно, иногда вредно для здоровья. Но это тоже выбор – отказаться от гарантированного успеха, привилегий и популярности ради призрачной славы героя, а может быть просто ради жизни... Ну, на этом все, лекция окончена. До следующей пятницы, друзья. Не забудьте – у вас практическое занятие. Подумайте на досуге над сценарием развлекательного телепроекта хронометражем 24 минуты.

– Ну вот, я же говорил, – вновь встрял парнишка, задержав на какое-то время часть группы, – Развлекательное телевидение! Низкопробный юмор – отдушина для зомбированной публики! Ржать можно над всем! За этим ржанием не слышно стонов! А скоро и над стонами будут смеяться! Деградация! Пришли от Гулага до Аншлага!...

– Деградация везде, – согласился я, – Это общемировая тенденция. Кризис ведь тоже глобален. На каждого их «Бората» мы отвечаем двумя «самыми лучшими фильмами», а за каждую картину жестяной банки Энди Уорхолла, обильно орошенную мочой его любовников, или фотошоп Терри Роджера наш Никас Сафронов нарисует целых два портрета собственными испражнениями, а русский клон Терри Роджера выдаст очередную фотографию за живопись... Ладно, тебе

разрешаю работать по индивидуальной программе. Придумай что-нибудь свое вместо того, чтобы походя лягать чужие победы. Создай то, что покажется тебе полезным... А мы обсудим твой шедевр публично. Ищи аргументы, чтобы защититься. Готовься к экзекуции. Пенять потом будешь только на себя. Возможно, твоя идея сделает тебя знаменитым быстрее, чем прославился абсурдный «Летающий цирк Монти Пайтона», предтеча «Камеди Клаба», где на десять сортирных скетчей все же найдется один убойный номер. Кстати, совет, ребята... Творить сподручнее в одиночку! Если, конечно среди вас нет Ильфа и Петрова. На своем опыте знаю. Это королю нужна свита, а автору требуется уединение.

– А если автор – сам король? – этот вопрос прозвучал из других уст, очерченных татуированным контуром соблазнительных губ. Брюнетка задержалась в конференц-зале, облокотившись на кафедру и пронзив меня нахальным взглядом.

– Автор должен быть голодным, – ответил я и бессознательно уставился на загорелые ножки. Предварительно я оглядел помещение. На первый взгляд в нем никого не было – ребята разошлись. Шкаф-купе, где на плечиках висело мое кашемировое пальто, был последним объектом, на котором я сосредоточил внимание. На двери было зеркало – непреложный атрибут для артистов, телеведущих и нарциссов.

– Голод бывает разным, – показала всю свою информированность красотка, не забыв продемонстрировать свои прелести неловким, но отрепетированным наклоном впе-

ред. Вырез на топике пересекала ложбинка, указывающая на твердый второй размер. Юная леди была уверена в несокрушимой силе своего обаяния. Развенчание мифов и крушение идолов – моя специальность...

– Если ты окажешься в моей коллекции – обещаю только секс без любви. – я беспардонно огорошил маленькую пираниню, – Здоровый, спортивный, приятный, быстрый или медленный – в зависимости от настроения. Лучше после еды, чтобы не отвлекаться. Если же ты рассматриваешь меня как спонсора или локомотив – это заблуждение. У меня нет денег, телепродюсеры и медиа-магнаты на дух меня не переносят – у них сложился стереотип, что я слишком независим, несговорчив, а, следовательно, опасен. Наверное, потому что не так молод. У меня даже свиты нет, да что там – агент сбежал – явный признак упадка. Свяжешься с явным аутсайдером – не сделаешь карьеры. Неудачники в списке твоих поклонников сделают тебя в глазах потенциальных спонсоров дешевкой. Или я нравлюсь тебе настолько, что ты готова рожать? Обещаю быть идеальным мужем, не тусоваться по ночам и сидеть дома. Это ли не счастье – быть счастливым у себя дома! Надеюсь, и ты устала от тусовок?

Я не дождался ответа, моя собеседница удалилась сразу после слова «рожать». Остальной «спич» я толкал в пустоту. Хотя... Я проследовал к шкафу-купе. Мне было интересно, ошибся я или нет, предположив, что там кто-то прячется.

Подойдя к нему, я посмотрел на себя в зеркало. Увиден-

ное меня не поразило. Эти морщины у глаз, испещренные капиллярами белки, прямой, длинноватый нос и впалые щеки я уже видел. Меня радовало, что я не толстел. Однако, это не являлось итогом продуманных восточных диет, это было результатом перманентной нервотрепки. У человека неподготовленного это постоянное истязание и нагромождение задач вызывало гнев. Я же наверняка знал, что прав Лев Толстой, определивший истинную силу человека. Она не в порывах, а в нерушимом спокойствии. Оттого не страшила меня моя седина, она мне шла, учитывая, что распределялась по всей голове равномерно, словно выкладывалась перышками, отщипанными с моих утраченных крыльев.

Незначительным усилием я сдвинул дверь вправо и почти не удивился, обнаружив в шкафу своего недавнего оппонента.

– Причина, по которой ты оказался здесь, может быть только одна – девушка. Кивни, если я прав.

Он кивнул.

– Мы никогда не задумываемся, что убивать свое время – все равно, что ликвидировать себя по частям...

Парень смотрел на меня с тотальной ненавистью, но не вылез из шкафа, позволив мне расширить горизонты своей безудержной мысли.

– Если ты готов тратить свое время на тусовщицу, надо привыкать к режиму совы. Это значит – света белого тебе не видеть. Правда, тусоваться тебе придется лишь рядом с

предметом своего обожания, ибо она будет тебя стесняться, читай – сторониться, ведь у тебя нет «мерседеса». У тебя ведь нет «мерседеса»? – уточнил я.

Парень отрицательно помахал головой.

– Ну, не переживай, когда она будет сидеть в салоне «мерседеса», а мимо будет проезжать белый «бентли-континенталь», она возможно, свернет себе голову и останется лишь в твоих воспоминаниях.

Парень вышел из шкафа и попятился в сторону выхода из аудитории, сначала медленно, потом ускоренным шагом. Перед тем, как захлопнуть за собой дверь, он бросил в мой адрес пару неллицеприятных эпитетов, обернув в них сообщение о том, что оставляет курсы:

– Лицемерные уроды! Фальшивые проповедники! Читайте мораль, а сами живете этой жизнью! У вас же все за бабки! Ради статуса и эфира вы готовы податься в говномесы! Трусливые, лживые и надменные! Прячете свои скабрзные мыслишки за своей эрудицией. Это не я, а ты в шкафу, – перешел он на «ты» в запале, – В ящике! И за то, чтобы в нем сидеть – ты заплатишь любую цену! И запомни, – бросил он напоследок, – Я в своем шкафу сидел по собственной воле, в свое свободное время! Мне там нравилось! У меня есть мое свободное время, оно должно быть у свободного человека. И лучше я проведу его в шкафу, чем уставившись в телевизор, откуда будет толкать туфту умник вроде тебя! А ты в своем ящике будешь сидеть по чужой воле, по воле своего суфлера!

Я был у тебя на паре в последний раз! У цензора большему научишься! Скажешь его нет!?! Есть! Даже если он у тебя в голове! – тут он постучал пальцем по лбу, добавив, – Страх – твой цензор!

Дверь захлопнулась, и я долго стоял перед шкафом, прежде чем снять с плечиков свое пальто. Парню палец в рот не клади. По сути он поставил меня на место, опустил с небес на землю, сбил корону!

Возможно, я был слишком категоричен в своей оценке нынешних девиц, и именно это обидело моего «штатного» критика. Меня оправдывал только мой не слишком удачный семейный опыт, который превратил последнего романтика в новоиспеченного прогмата.

В любой красотке я видел потенциальную стрекозу. Если честно, я так и называл их, правда, по-английски – dragonfly*. Кто они, как не честолюбивые летающие драконы!?! Я даже раскладывал это слово на части – drag on fly... Мои фривольные эксперименты с английским почему-то навевали перевести это словосочетание так – «оттянись на мухе». Иногда я производил замену слова drag на drug, чтобы притянуть за уши еще один убийственный и весьма актуальный в ночных клубах перевод – «колесо» (в смысле, наркотик) и ты на мухе». Однако, на самом деле drag означало «бремя», а drag on являлось глаголом «тянуться». Но переводить все правильно мне не хотелось. Я не был женоненавистником. Напротив. Я всего лишь разочаровался!

Это произошло не сразу, а лишь после того, как моя «благочестивая» сперва изменила мне с моим приятелем, потом изменила моему приятелю с его приятелем, далее – его приятелю с приятельницей моего приятеля, и в довершение, прихватила в охапку словно чурку нажитого ребенка вместе с накопленными исключительно мной сбережениями и отчалала в Иран с депортированным персом, у коего имелся богатый папа. Оттуда она сбежала так же быстро, как от меня, разведав, что с папой перса завести интрижку не получится хотя бы потому, что он неожиданно оказался убитым, а его наследство – поделенным не в пользу недоросля... Вся эта чехарда убедила меня в постулате, высказанном сыном Богдана Хмельницкого, зарубившего свою приемную мать, ту, что наставила рога грозе польской шляхты и татарского хана. В пылу своей ненависти сын гетмана произнес почти сакральное: «Есть на свете жены, которые могут чтить даже мертвых мужей, а есть такие, которые позорят живых!»

Закрыв шкаф, я на мгновение подумал, что мог своими словами ранить влюбленное сердце. Но ведь я намеревался обезопасить его, так что, мои наставления следовало воспринять как прививку. Меня не поняли и оскорбили в ответ. Впредь не стоит вмешиваться в проявления чужих чувств! Мало ли. Бывают же исключения. Ведь с гулящими девицами тоже случаются метаморфозы. Иногда и они влюбляются. Я знавал стриптизерш из «Галстука» и «Эгоиста», которые содержали возлюбленных мальчиков за свои, ночами зара-

ботанные в приватах гонорары. Воистину, тоска по любви – это ее разновидность.

Рассуждать об этом великом чувстве, прибегая к аргументам разума, могут только те, кто еще не влюблен. Или, подобные мне, кто уже не влюблен. У которых вместо любви иная привязанность. О ней чуть ниже, сразу после того, как я задвину этот чертов шкаф! Шкаф... Может парень был прав. Хотя бы в том, что именно в шкафу, подобном этому, находится самое светлое место в той крошечной мгле, которая зовется телевидением...

*dragonfly – летающий дракон, стрекоза (*англ.*)

Глава 2. Телевидение.

Мне нравилось, когда меня называли информационным киллером номер один, хоть я так и не думал, продолжая считать самым лучшим Сергея Доренко. Но... мне было приятно. К тому же, поговаривали, что Доренко не просто увлекся даосизмом, а реально превратился в китайца и пиарит в радиоэфире РСН какие-то тибетские амулеты, а чтобы ему никто не мешал их пиарить – он сделал кадровую рокировку. Это уже был не тот Доренко. Надобность в том Доренко давно отпала.

Политтехнологи из Администрации не собирались реанимировать коршуна. Как изрек Виктор Гюго: вылечив подбитое крыло коршуна, становишься ответственным за его ког-

ти... Они просто подкармливали подбитую птицу, требуя взамен самую малость – верноподданничество. Ничего кроме него, ведь подобострашие в исполнении Доренко выглядело бы лицемерием (этим словом в конце 90-х он «убил» Лужкова).

Доренко дали долю. То же сделали с Александром Любимовым и другими. Как? О, это раньше кремлевские пиарщики были слепыми котятками. Они многому научились.

Сперва выстругали эталон, похожий на профиль небритого гео-стратега Леонтьева, а потом стали всех по нему мерить. Гео-стратег Леонтьев в свою очередь был уверен, что теперь он телекиллер №1. Однако... Спровоцировать кого-то каверзным вопросом, а потом не дать на него ответить, бесцеремонно перебив – такова была драматургия нового психологического дискурса. Жанр естественным путем сузился до рамок зловещего монолога с вставками исторических хроник и заставками небритого профиля.

Доренко в былые годы исполнял свои (правда, частные) заказы куда брутальнее, не смотря на отсутствие недельной щетины. Но теперь он немного устал (не боялся же) и наелся (не проголодался же). А что еще нужно звезде, чтобы достойно встретить старость...

Хотя... Разве может человек остановиться!? Разве может журналист остепениться... Его награда – слава. Ее приходится пестовать, и она почти никогда не спускается сверху. Иногда слава приходит снизу, часто слева, то есть с запада. Реже

– с востока. С севера и юга она почти не является. Она всегда желанна, и всегда скоротечна. Она утекает сквозь пальцы и расщепляется на молекулы. Испаряется словно дым и крошится как песок. Слава не есть популярность. Ее готовы принять в ущерб здоровью и рискуя самой жизнью. Но долговечной она бывает лишь для тех, кто ей пренебрегает. Только такие получают славу сверху. Не с того верху, который находится в столицах государств, а с того, что пребывает на небесах...

Мне стукнуло сорок. Гюго утверждал, что именно сорок – это старость юности, а пятьдесят – юность старости. Мне нравилась такая трактовка. Я пока не перешел в десятилетний интервал зрелости, и мне многого еще хотелось. Мое честолюбие удваивало мою природную активность. Моей пассивности нужен был выход. Моей отдушиной было творчество. Моей наградой могло быть только признание... Да, признание моего призвания.

Симптомы звездной болезни таковы: ты ждешь к себе особого отношения даже от парковщика, ты уверен в своей неотразимости даже, если постарел, ты сторонись плебея и в итоге теряешь друзей.

Все вышеперечисленное присутствовало во мне. И это замечали все, кроме больного. Мой друг и партнер по теле-бизнесу Миша Зеленголец говорил мне об этом, но я его не слушал, и он прекратил меня увещивать, ведь я был вроде как звездой, а он моим импресарио. К тому же, чего слушать че-

ловека, который не выпускает из рук бытолочку с оксибутиратом* и ходит от этого с вечно расширенными зрачками. На after-party в клубе «Крыша» такие зрачки сгодились бы вместо клубной карты, но в коридорах «Останкино» их стоило прикрывать солнцезащитными очками. И пусть Миша говорит, что подружился с «буратино» только потому, что у очеловеченного полена водились пять золотых, я же прекрасно знал – эти тусовщики-олигархи доведут Мишу до синдрома абстиненции. Но молчал, потому что мне тоже позарез нужны были деньги, а выпросить их мог только Зеленголец.

После того, как меня задвинули на неопределенное время с модного политического ток-шоу, не посчитавшись с моими амбициями, я не мог сидеть без дела. Мы придумали проект и сняли пилот. Идея была великолепной. Она созрела в моей гениальной голове спонтанно. Мне казалось, что меня осенило, и я недолго вынашивал планы по реализации моей очередной мечты... Возможно, это было обычным замещением. Мозг спасается от разрушения тем, что сам себя отвлекает. Говорят, японский император после сброса бомбы на Хиросиму принял с остервенением Дарвина за изучение океанской фауны...

Сперва я разведал обстановку в театре кукол имени Сергея Образцова и быстро понял, что там творится невообразимый кавардак. Театр раздирали склоки между группировками, они понятия не имели о шоу-бизнесе, о раскрученных брэндах, промоутерах и трэндсеттерах. Этим можно было

воспользоваться.

Я стал приглашать артистов-кукольников на «халтуры» в клубы и казино, что дало мне основания убедиться в скромных запросах актеров. Но меня мало интересовали их далеко не баснословные гонорары. Главное, что их можно было легко переманить. За 200 баксов они могли вынести из театра любую куклу, включая знаменитого конферансье Эдуарда Апломбова. Но и это мне было без надобности. С помощью кукольных дел мастеров мы изготовили куклы по собственным эскизам. Они стоили недешево – по 3000 евро за штуку, но затея того стоила.

Готовились к съемкам долго, но сняли все с трех камер и с одним краном всего за три дня. В арендованном павильоне «Мосфильма». За деньги спонсора, пожелавшего остаться инкогнито по причине, как сообщил Миша, чиновничьего статуса олигарха. Предмастеринговая картинка получилась, что надо. Оставалась озвучка и проталкивание пилота на канале.

Я советовал партнерам из ОСП-студии пойти с отснятым материалом к Славе Муругову – функционеру СТС, но ребята медлили, ожидая предложения от НТВ. Я не хотел превратиться в Аршавина, в свое время, до контракта с «Арсеналом», осмеянного вследствие несостоявшихся трансферов в «Барсу» и «Челси» даже фанатами. Я не осуждаю людей за то, что они торгуют сами собой. Сей «арсенал» поведения неведом ни животным, ни машинам. Свежи были в па-

мяти метания Сычева, «кидавшего» с хитрым прищуром коробейника всех подряд, лишь бы выиграть лишний гривенник. Кстати, я перестал фанатеть от футбола именно из-за Аршавина и Сычева. Не из-за их игры. Не за то, что сборная России не добилась путевки в ЮАР. Голы и дриблинг Аршавина зачастую шедеврально, а наша сборная – это не факт. Это случилось, когда я увидел своими глазами, что кумирам миллионов «невпадлу» фотографироваться с Петей Листерманом, торговцем телками.

В этом смысле, чудом избегающий 241-ой статьи уголовного кодекса содержатель притона, пусть даже виртуального, выглядел гораздо веселее. Возможно, вес низкорослому своднику придавала доминиканская сигара, а так же то, что ростом сей ущербный карлик был выше именитых футболистов и стоял на снимке по центру. Если б не работяга Жирков, я б вообще перестал смотреть футбол. Ну, да ладно, речь не о Рональдо с Бэтхэмом. Все равно, голова среди них есть только у Зидана! Вообще, я попросил Зеленгольца вступить в предварительные переговоры с СТС.

Муругов, бывший кавээнщик, друг, не станет лукавить и переливать из пустого в порожнее, он не будет медлить, он скажет сразу и без обиняков – вставит наше «Образцовое королевство» в сетку вещания после Нового года или нет.

Слава пообещал рассмотреть предложение, и я, довольный, поехал в Черногорию со специалисткой по саунду и сексу Лизой Палкиной. Сразу по возвращении я кинул Палки-

ну. Но вскоре понял, что меня кинул Зеленголец. В учредительных документах договора телепроизводящей студии моя фамилия не значилась. Это устроил генеральный партнер проекта, тот самый спонсор-инкогнито, в лицо которого знал только Зеленголец, чтоб его!

Ладно, у меня оставалось мое лицо, и я отправился к Мурову. Слава сказал, что ничего поделывать не может, вовсе не обрадовав меня тем, что вставил проект в сетку. А чего тут радоваться, если на твоей идее наживутся другие? Я не альтруист и люблю деньги. Как же я лоханулся, не зарегистрировав свое ноу-хау в патентном бюро на Бережковской набережной. Хотя, туда я бы тоже отправил Зеленгольца, а он все оформил бы на себя. Воистину, нельзя никому доверять.

Москва улыбается неискренне... В этом городе любят только успешных и зубастых. И здесь ты считаешься успешным только в одном случае – если тебя показывают по телевизору. Здесь успешные тусуются с успешными, а неудачники с неудачниками. Яппи* никогда не пересечется с лузером*. Но каково же будет удивление продвинутого парня, когда на выходе из какого-нибудь клуба его атакуют гопники, а за него никто не вступится... Ведь у яппи нет друзей!

*оксибутират – медицинский препарат, который в 2005-2008 гг. приобрел большую популярность среди клубной молодежи в качестве наркотика. Сленговые названия: «бутират», «буратино», «оксана», «ксюха», «вода», «бутик». «Продвинутые» тусовщики называют его «жидким экстези»

за некоторое сходство в эффектах. В небольших дозах вызывает состояние беспричинной эйфории, стремление к безудержным танцам и обладает мощным просексуальным действием. Зависимость наступает спустя 2-3 недели нерегулярного приема внутрь или через 3-5 инъекций. Ломка напоминает героиновую, сопровождается выведением из организма кальция, что способствует сильной боли в ногах. В течение 1,5-2 года разрушается психическая сфера. Характерна потеря нравственно-этических представлений. Среди употребляющих оксibuтират нередко летальные исходы вследствие автомобильных аварий – эйфория при передозировке быстро сменяется сонливостью, наркоман не чувствует, когда отключается, и засыпает за рулем. *(Здесь и далее примечания автора).*

*яппи – успешный молодой человек, имеющий престижную работу и входящий в тусовку избранных. Посещает модные клубы и заведения, сторонится лузеров, никогда не жалуется на жизнь, ходит на фитнес, одевается с иголки, что роднит яппи с метросексуалом. Идеальный яппи никогда не признается в своем кругу, что у него депрессия или финансовые проблемы. Подобные откровения гарантированно навредят положению в кампании. Фальшивая улыбка или искренний смех – неважно. Главное – позитив и беззаботность! В поведении яппи форма доминирует над содержанием.

*лузер – неудачник, лох, гопник, полная противоположность яппи. Лузер никогда не пройдет фэйс-контроль мод-

ного клуба, если только не прилепится в силу сиюминутных причин к какому-нибудь яппи, или не вцепится в Тома Круза, прибывшего в Москву на премьеру блокбастера. И то, и другое – из разряда чудес, а значит маловероятно. Определение не добившимся успеха людям присваивают сами яппи на основании собственных, часто ошибочных выводов, основанных на поверхностном взгляде, одежде, внешнем облике, манере общаться занесенных в категорию изгоев. Ярлык дается раз и навсегда. Тусовка не только беспечна, но и бессердечна.

Глава 3. Гомосексуалисты.

Единственный мужчина, который не может жить без женщины – это гинеколог.

Артур Шопенгауэр (автор не придерживается точки зрения немецкого философа).

Почему известный человек, тот, которого показывают по телевизору, часто оказывается педиком. Я не слишком корректен в формулировках. Хотя и не применяю дефиниции Гая Ричи, обзывая этих ребят «говномесами». Вспомнил, они предпочитают слово «геи»! Они мне никогда не нравились. При этом я не гомофоб и не склонен переходить на личности, но глядя на импозантных «гомодрилов» в руководстве ведущих телеканалов, зарабатывающих по 10 мил-

лионов долларов в год, я никогда не понимал, чего им не хватает и на кой им сдались эти слюнявые проституты, когда на dosug.nu такой заманчивый традиционный выбор. Не нравится платная любовь – ищите красоток на клубном сайте vklybe.ru и вылавливайте их в «Паче» или в «Сохо». Хотя, бесплатное всегда дороже...

Разбираться в хитросплетениях гомосексуальной мотивации мне было некогда. От этих жирных ребят мне было нужно только одно – моя слава. Но когда пошли недвусмысленные намеки, я стал сначала волноваться, а потом огрызаться. С возрастом, с моим возрастом, намеки сошли на «нет». Я выстоял, и прославился вопреки давящей пидарастической доминанте. А спустя какое-то время курсирования по коридорам «Останкино» я понял, почему они такие.

Это не вопрос хромосом. Это составляющая статуса. Извращенцу, пресыщенному деньгами и положением, хочется новых ощущений. Во многом это даже не физические ощущения. Это наркотик. Я не понимал этих фриков. Ведь для меня в этом несовершенном мире существовал только один наркотик – эфир. Эфирное время, которое гомики все время норовили урезать. Как мне трудно было без Зеленгольца с ними разговаривать.

Пришлось помириться с предателем, и он снова выпросил для меня деньги у какого-то шоколадного короля, пообещав тому, что в своей новой программе хронометражем в 24 минуты, ровно 12 минут я буду поглощать его чертов шоколад.

Это называется «продакт плейсмент» – для тех, кто не знает. Я же точно знал, что подавлюсь на первой же плитке, но договор со сладким спонсором все же подписал.

Зеленголец поехал за КЭШем и... потерялся. Сволочь. А потом ко мне нагрянули за гонораром режиссер, съемочная группа, монтажеры, флэш-аниматоры и даже специалистка по саунду и сексу Лиза Палкина. Я не хотел кидать Палкину вторично, как это сделал со мной проклятый Зеленголец, поэтому отправился к Эрнсту Фридману на Национальный канал. Он закрыл проект, как только прослышал о моем банкротстве. Я хотел просить его о субсидировании завершающего этапа съемок и монтажа. У меня не было шансов, ведь Фридман выступал против моей программы еще на стадии ее зародыша. И все же я отправился к нему. Когда у человека не остается выбора, он идет напролом.

Дядюшка Эрнст, как ласково звали генерального продюсера канала, не горел желанием меня видеть. Я знал это с точностью корабельного секстана. Он начинал свою карьеру с простого ведущего фул-фэшн-шоу «Мухамор», дорос до мега-величины медиа-магната благодаря опальным членам масонского «Лондонского клуба» и удержался на своей должности только потому, что мало говорил, попросту помалкивал, когда надо, а временами, когда журналисты выуживали актуальный комментарий, даже нечленораздельно мычал. Многозначительный вид, надутые щеки и богемный заброс челки вправо с лихвой компенсировали отсутствие

информации.

Форма доминировала над содержанием. То же происходило и на подведомственном телеканале. Но это мало волновало Эрнста Фридмана. Он знал, что стул под ним качается, поэтому заказывал самому себе больше фильмов и передач, сам их делал, сам себе платил, и, видимо, сам смотрел. Зрительская аудитория катастрофически уменьшалась. Но разве это важно, когда готов запасной аэродром. Он избегал лишних встреч, предпочитая обедать и ужинать в чилл-аутах собственных ресторанов. А особенно он сторонился тех, кто мог повлиять на его укоренившийся имидж спокойного слона. Таких тревожных ходатаев, как я. Но я уже сообщил моему понимающему читателю, почему отважился прийти к боссу без приглашения.

Он просто обязан был меня выслушать. Ведь я звезда, народный любимец. Меня уважают и ценят за политическую неангажированность. За абсолютную независимость и незапятнанную репутацию. Со мной не захотят расстаться, ведь я им еще нужен... Я невероятный эрудит, а вовсе не отработанное сырье. Я делаю рейтинги. Я еще ого-го... Диапазон моей речи намного шире словарного запаса этих косноязычных шоуменов из новых и, тем более, этих мастодонтов, которые рассыпаются на глазах, когда надо импровизировать... Меня не выбросят за борт, ведь мне так нужен этот эфир!

Глава 4. Тупик есть мотив.

Водитель довез меня до телецентра и припарковал машину у ресторанчика на противоположной стороне улицы Королева, там еще можно отведать настоящего русского квасу. Я бросил молящий взгляд на Останкинскую башню, показавшуюся мне в этот момент Вавилонской, а оттого хрупкой, как фарфоровый идол, и отправился в здание.

На этаже руководства Национального канала меня окликнули. Это был бывший депутат Государственной Думы Митрофан Алексеев, к которому зритель уже успел привыкнуть как к постоянному статисту на всех без исключения ток-шоу. Он давно изнывал от безделья и толстел, неумная энергия и амбиции искали спасительный коридор. Наконец-то забрезжил свет в конце туннеля. «Знающие люди» поговаривали, что Алексееву вот-вот доверят авторский проект. Он тоже от кого-то это услышал. Счастливый от своей востребованности, он впопыхах и с легкой одышкой набирал команду.

– Влад, дорогой, у тебя нет специалиста по саунду? – на всякий случай поинтересовался Митрофан.

– Кажется, есть. Палкина Лиза. Отлично работает, быстро. Иногда даже очень быстро. Рекомендую. Она как раз сейчас подыскивает новую работу. Просто воеет без работы. Стонет просто.

– Так она воеет или стонет?

– Пока воеет, но когда получит работу, наверняка будет стонать.

– Трешка – нормально для нее?

– От этой матрешки трешкой не отделаешься. Она тебе сама позвонит, и вы договоритесь.

– Спасибо.

Кого здесь только не было: звезды шоу-бизнеса, их продюсеры, политики и даже один метеоролог, тоже умудрившийся подхватить вирус звездной болезни, от которой не существует прививок, а есть только противоядие – четкое исполнение главной заповеди Святого писания: «Не сотвори себе кумира». Здесь, в коридорах «Останкино», как впрочем и в павильонах большинства телепроизводящих студий, эта заповедь могла звучать по иному: «Не делай из себя кумира». Иными словами – будь проще, и люди к тебе потянутся.

Я же потянул за ручку дубовой двери и вошел в «святая святых» – в приемную Эрнста Фридмана.

Секретарша телебосса – «синий чулок» не успела меня остановить. Она лишь прокричала вдогонку:

– Эрнст Палыч занят!

Я ответил, что тоже не веду праздный образ жизни и ворвался в кабинет своего формального начальника.

Босс находился в окружении «голубого дуэта» из сиквелла про вампиров «Полнолуние». Вся троица смачно грызла фисташки, глядя на кондово смонтированные кадры очередного «блокбастера», пост-продакшен которого был обеспечен каналом, а окупаемость первыми двумя уикендами. Этим ребятам-травести стоило позавидовать, они получили карт-бланш от самого могущественного человека отече-

ственного телевидения, который мог слепить звезду даже из лошадиного помета. Правда, такая звезда не способна одарить людей светом. И очень часто она исторгает неприятные запахи. Настоящая звезда – это ведь не прохиндей, способный пропукать футбольный гимн или симитировать половой акт на сцене. Звезда должна греть, по крайней мере – освещать!

Я подошел к столу Фридмана, взял со стола пульт и выключил огромный LCD-телевизор. Моя наглость была неожиданнее моего визита. К тому же, вместо «Здрасьте» я напомнил:

– Мы же виделись вчера. Почему Вы не сказали, что поставили на мне крест?

– А кто ты такой, чтобы мне указывать, что, когда и кому мне говорить?! – зыпыхтел как бронепоезд Фридман. – Ну, если ты так настаиваешь, то да! Я ставлю на тебе крест. А мое мнение еще кое-что значит!

– Возможно для твоих пидоров, да! – не сдержался я, заодно смекнув, что изначальная цель моего визита как-то сразу трансформировалась в заурядную вспышку гнева. Благо, гнев был обоснованным. Меня здесь не уважали, с чего мне церемониться. Когда не работают компромиссы, их место занимают скандалы.

– Да, для них, и для многомиллионной аудитории моего канала! – гордо заявил Фридман.

– Не того ли, что когда-то был первым, и который было

интересно смотреть?

– У нас и сейчас наивысший рейтинг во всех сегментах от развлекаловки до информации! – позволил себе оправдываться перед ничтожеством большой, но очень ранимый «джин».

– Это потому, что тебе дали правильную кнопку, ты не поднимался с нуля, ты сел на готовенькое... Но мир меняется. Молодого зрителя ты уже потерял. Думающего тоже. Первые ушли на ТНТ за реальным дерьмом, а не, как у тебя, за его запахом, и на сайт знакомств – там можно найти шлюх и педиков, они там не скрываются, как здесь, за фиктивными женами. А вторые, те, что думают, вообще не вылазят из Рунета. Из-за него ты уже потерял процентов тридцать своих зрителей. Там интереснее.

– Все?... Максимов, ты выдохся. И ты пустой. В твоём контенте мы больше не нуждаемся. В нём никто не нуждается! Он слишком дорого обходится. А сам ты денег найти не можешь! Значит, ты ноль, пустое место, шоуменишка, а не какая ни звезда. Может так, малюсенькая звездочка на «Одноклассниках». Надо будет позвонить хозяину сайта, чтоб он удалил твой профайл. У нас с ним рекламный бартер. Тебя никто не вспомнит через годок! Хотя нет, тебя, конечно же, подберет какой-нибудь заштатный каналчик, дециметровый, и ты будешь, как «культовый» Диблов слоняться по клубам и передачам, чтоб тебя окончательно не забыли! И ты приползешь ко мне. Как приполз Диблов, чтобы я опять

сделал его доступным... Так уж и быть, когда ты смиришься со своим ничемным статусом, я подкину тебе передачку хронометражом в пять минут в утреннем эфире, в воскресенье, когда не спят только пограничные дозоры!

– Какая необъяснимая тяга ко всевозможным дозорам! У тех, кто отдал родине долг, прослужив положенное в армии, аллергия на дозоры и патрули. О'к, а что в то время, когда мне наступит окончательный капут, будете делать вы, Эрнст Палыч? – поинтересовался я.

– Я буду делать телевидение! – закинув челку набок почти театрально продекларировал Фридман: – Телевидение будущего, в котором нет места выскочкам!

– Телевидение без прямого эфира – это сериал, реалити-шоу с ненастоящими героями, это жалкое зрелище. Поэтому Интернет и побеждает – там люди говорят сейчас, в режиме он-лайн. Их не причесывают, дают высказаться, дают ошибаться и исправлять ошибки. Веб-пространство должно стать приоритетом ТВ. В конце концов, у них должен быть выбор, что смотреть. Уже есть. И ты должен показывать им то, что они желают видеть, лавируя в этих волнах.

– Это быдло не знает, чего хочет!

– Они опять хотят перемен. Люди всегда их хотят. Ты – временщик и приспособленец, Фридман.

– Я патриот! А ты проповедуешь хаос.

– О, с каких это пор патриот – это тот, кто уменьшает своими действиями доверие к национальному каналу, купирует

его аудиторию. Истина рождается в споре. Не слышал?

– Диссидент! Ты диссидент!

– На выборах я голосовал за действующего президента.

– Значит, мы в одной лодке, Максимов, и ты ничем не лучше меня. Ты тоже боишься.

– Я всегда голосую осознанно. Бояться должен тот, кто неискренен – это твоя прерогатива.

– Вон! Пошел вон из моего кабинета! – заорал на меня дядюшка Эрнст.

Я зачерпнул ладонью горсть фисташек и захлопнул за собой дверь. Секретарша неодобрительно посмотрела на меня в приемной, и я отдал орехи ей, чтоб она догрызла их на досуге и не обижалась.

...Похоже, я остался наедине со своими проблемами. Их можно было оценить деньгами – ровно триста десять тысяч евро. Именно столько украл Зеленголец. За эти деньги, как ни странно, должен был отчитываться я, а у меня не было сбережений. С этих не имеющих в наличии средств я должен был выплатить зарплату, довести производство до конца и запустить программу в эфир. Владелец шоколадных фабрик уже звонил на мой сотовый. Но я не брал трубку. Мне было стыдно, ведь я наврал ему про лобби в совете директоров и про бреши в вещательной сетке Национального канала. Никакого лобби не наблюдалось, а сетка была заполнена по благу и под завязку. Кем?

Свято место пусто не бывает. Звезды новые и реаними-

рованные. Они появляются на небосклоне. Их есть кому за-
жечь. Находятся и те, кто в состоянии их потушить. А есть
и такие, кто чувствует в себе силы их назначать. Протеже
Всемогущей Администрации, вскормленный политтехноло-
гом Глебом Махновским, писатель-прозаик Минай Сергеев
появился в эфире со своей новой программой «Взлеты и па-
дения», а обладатель белого билета – индульгенции от армии
– Сеньор Гордон с передачей «Лузер».

Я, мягко говоря, не считал Миная афористичным, не
смотря на его эрудицию. Мало того, первые семьдесят стра-
ниц его книги все же удостоились моего беглого чтения.
Лишь после этого произведение полетело с десятого этажа,
едва не приземлившись на голове таджикского гастарбай-
тера. Слава Богу, на бедного таджика не упал более тол-
стый «Код да Винчи» Дэна Брауна, фаната неканонических
апокрифов, десантировавшийся с моего же балкона недель
раньше. Из новомодных писателей я увлекался только жен-
щинами. Робски мне нравилась так сильно, что я ее хотел, а
Собчак я хотел, хоть она мне и не нравилась.

Что до Гордона, то этот невыспавшийся псевдоинтеллек-
туал с видом разорившегося идадьго не постеснялся позици-
онировать себя в роли лузера с единственным намерением
– перехитрить всех своей схоластикой, суть которой своди-
лась к дуэли мудрости с интеллектом. При чем Гордон сидел
в окопе интеллекта, но держал флаг мудрости, поэтому муд-
рость в него не стреляла. А значит, он не был лузером. Так

что хитрость вполне удавалась. В принципе его стоило уважать, ведь он снимал фильмы по заведомо некоммерческим сценариям отца. Я тоже любил своего папу.

Мой папа мечтал, чтобы я стал знаменитым. Ведь у него не вышло стать космонавтом. Хотя он и стал почетным железнодорожником. Почитай отца своего и мать. Только за это можно было ценить Гордона. Эх, знал бы мой папа, Царствие ему небесное, в каком я оказался тупике...

Глава 5. Серый кардинал

– Так ты скажешь ей, этой Палкиной, чтоб она мне позволила? – снова нарисовался Митрофан.

– Обязательно, – пообещал я.

– Да не отчаивайся ты, – выказал свою осведомленность бывший депутат. – Ты не пропадешь. Я же не пропал, хоть меня и кинули все. Не сдавайся. Я вот не сдался. Запускаю «Детектор лжи». Прайм-тайм.

– Что-то слышал об этом.

– Еще бы. У меня соведущей сама Инесса Заречная будет...

– Все хотел узнать – у нее свои зубы?

– Это первое, что меня ослепило. И язычок острый как у змеи.

– Думаю, Палкина все же составит ей конкуренцию, – мимоходом вставил я.

– Лорд от нее без ума... – не услышав панегирик в адрес моей неутомимой саунд-продюсерши, Митрофан воспевал Заречную.

– Лорд? – удивился я. – Англичанин какой-то? Я то думал англосаксы все за Дэдди прицепом из России поедут.

– Да причем тут англосаксы и Дэдди! Плевать мне на «Бритиш Петролеум» – они меня не кормят. Скажу тебе по секрету – под Фридманом скоро кресло закачается.—полушепотом поведал Митрофан, – Попомнишь мое слово. Лорд все к рукам приберет.

– Я совсем выпал из обоймы. Не имею ни малейшего представления об этом Лорде. А насчет Фридмана очень сомневаюсь. Слишком обтекаем. Выскользнет.

– Деньги все решат...

– Да, деньги... – я вдруг вспомнил своего испарившегося агента, – Как же я ошибся насчет Миши Зеленгольца.

– Ошибка только тогда ошибка, когда ее не исправляют. Читай Конфуция. – порекомендовал несгибаемый Митрофан, – В противном случае это урок и жизненная необходимость. Без ошибок нет опыта.

– Ты еще Пушкина вспомни: И опыт – сын ошибок трудных, и гений – парадоксов друг...

А если ошибку нельзя исправить?

– Тогда ее просто надо признать и больше не повторять. Ладно, не парься, ай-да лучше к нам в студию. Пилот снимаем. Я только на минуту в кафешку вырвался. Пойдем...

Больше всего мне хотелось выпить. Митрофан гарантировал банкет после съемок, и я поплелся за ним.

«Бетакамы» были направлены на Инессу. Снимали на «хромокей». В зеленом цвете все смотрелось скромно, я поинтересовался, какой наложат интерьер. Митрофан ответил, что все будет на фоне 540-метровой останкинской башни, а потом на фоне руин осетинских сел и Цхинвали и следом – в интерьере гаагского трибунала, где в судейской мантии выступит национал-патриот Александр Порханов.

– Сними галстук – посоветовал я, – Он у тебя зеленый. Дырка при монтаже получится.

– Я сегодня вряд ли попаду в кадр. – скромно поведал Алексеев, и тут я догадался, что и в этой передаче он хоть и старший, но все-таки статист. Однако, галстук он снял, небрежно засунув его во внутренний карман, после чего кивнул Инессе. Я тоже поздоровался. Инесса не отреагировала ни на одно из приветствий. Занята. Высока. Надменна. Ее собеседником был шахматный король Каспаров, начинавший свою политическую карьеру с заявления о необходимости немедленной передачи Монголии Китаю, а Курил Японии. Сегодня он призывал Россию сдать Грузию.

– Ты его позвал? Смело.

– Оттепель. Пусть болтает. Чем больше он говорит, тем глупее выглядит.

– Надо переснять последнюю реплику, Гарри Кимович, не возражаете? – попросил режиссер.

– Да, конечно. – приготовился Каспаров.

– Там, где вы утверждаете, что мир необходимо расчертить на квадраты. Или на клетки, вернее на зоны ответственности.

– Да-да, именно так, на клетки.

– Мотор. Начали...

– Великие державы должны решать свои геополитические проблемы в буквальном смысле разделив мир на сектора. – перефразировал свою фундаментальную мысль лидер черных и белых, которых было ни много-ни мало тридцать две фигуры...

– По аналогии с шахматной доской? – потребовала уточнения ведущая.

– Если хотите.

– Спасибо за откровенный ответ, – поблагодарила гостя Заречная. – А у нас в студии, в судейской мантии – господин Порханов, которого многие помнят как недавнего оппозиционера. Сегодня державник Порханов разделяет позицию официальной власти, и некоторые аналитики склонны видеть в Александре Евстигнеевиче даже рупор Кремля. Что Вы думаете о таком радикальном изменении политического ландшафта, как перекраивание планеты на сектора влияния, образно говоря – на клетки.

– Все эти клетки и зоны... В устах либералов – космополитов все это может показаться детским лепетом, если бы мы совсем недавно не видели, до чего доводит бряцание оружи-

ем в руках неуравновешенных олигофренов и психов. Чушь полная. Сталкивание лбами маленьких этносов и разжигание религиозной вражды – вот к чему привели парады суверенитетов. Спокойствие гарантируют только империи. Цементирующей платформой в любой империи является доминирующий этнос. В Риме это были римляне, там иудей апостол Павел не забывал на судилище во всеуслышание и гордо заявить «Я гражданин Рима». Я горд, что дожил до времен, когда чеченец завоевывает золото на Олимпиаде для России и искренне верит в то, что приносит пользу и своему народу. Батальон чеченского спецназа «Восток» отстаивает геополитические интересы России, а русские парни гибнут за осетин и абхазов. Все они граждане России, сильной и победоносной, несокрушимой и милосердной. На подобное милосердие к побежденному врагу способна лишь империя, и я подчеркиваю, только империя дает гарантию порядка и безопасности всем, русским и нерусским, всем гражданам великой страны.

Какие клетки? Свободы... Горбачев попробовал, и что? Развал, хаос, смерть. Хаос породили за океаном, там посеяли этот ветер. Но пожали бурю. Они давно поняли, что их сила в консолидации там и разобщении здесь. А мы поняли, что единственный способ выжить – поступать так же, как они и строить, а вернее, восстанавливать свою Российскую империю.

– Господин Порханов, Ваша позиция мало стыкуется с Ва-

шим недавним заявлением на радио «Эхо Москвы» о том, что олигарха Хиросимского, следует немедленно выпустить из мест лишения свободы.

– Ничуть. Я уже упомянул о милосердии, присущем великодушным самодержцам великих империй. Это еще одно проявление силы. А вовсе не предтеча Оттепели, как мои слова прокомментировала либеральная пресса. Сидящий Хиросимский, или, не приведи Господь, мертвый Хиросимский для власти куда опаснее амнистированного. Это как Березовский на свободе – он быстро превратится в паца. У папы и мамы Хиросимского скоро золотая свадьба. Власть может проявить гуманность хотя бы по отношению к старикам, народ это оценит. Но, конечно, при условии безусловного отказа помилованного от любых форм политической борьбы.

– А как насчет публичного признания вины и раскаяния?

– Необязательно. Кто в России не воровал? Не всех за это сажали – это тоже факт. Но в данном случае – достаточно будет сепаратной сделки, пожертвования – я вас уверяю, Хиросимскому еще есть, что вернуть государству.

– Не сомневаюсь, но удивляет другое – то, как активно именно Вы проталкиваете эту идею с амнистией. Учитывая Вашу теперешнюю близость к верхам и неоспоримое влияние на Администрацию Президента, этот казался бы обособленный взгляд выглядит весомым лобби. А тот факт, что когда-то Вы дружили с Березовским заставляет призаду-

маться – а не дружите ли Вы с Хиросимским? В том смысле, не дружите ли Вы с ним за деньги?

– Милочка, за деньги можно купить дружбу, но не Порханова!

– Спасибо за афоризм, я запишу его в свой блокнот.

– Какая молодец! – восхитился я, и позавидовал проекту, где выступал статистом экс-депутат, а ведущей была самая умная, и возможно, одна из самых красивых женщин российского телевидения. – Как она смотрится! Спокойно и грациозно. Шендерович в сравнении с ней – заурядный невротик. И ты погляди, как она интервьюирует. Я в восторге! Я влюбился... Теперь она точно зазнается. Надо было кадрить ее раньше, когда у нее не было такой возможности раскрыться. Она станет звездой после первого же эфира. Это не то, что эти вынырнувшие из прошлого военные эксперты и философы с акцентом на показное русофильство, суть которого в закрученных под Николая усах и отпущенных под Столыпина бородах. В ее глазах – огонь и любовь.

– К Родине? – не понял Митрофан.

– Конечно, к Родине, не ко мне же, неудачнику и банкроту...

– Тут ты прав, красивые женщины не любят красивых мужчин. Но они любят мужчин, обладающих красивыми женщинами...

Под впечатлением от красотишки я отказался от приглашения на банкет. Перед девушками высшей пробы надо появ-

ляться принцем... От попойки с тележурналистами отказался и «державник» Порханов. Он вышел из студийного павильона следом за мной. Мне даже показалось, что он меня догонял...

– Влад! Давно хотел сделать Вам комплимент, – сразу обезоружил меня человек, к чьему мнению по слухам прислушивались в Кремле, хоть я в этом и сомневался.

Единственным неоспоримым фактом было то, что националисты носили его на руках. Я относился к этому персонажу из прошлого настороженно именно потому, что свой собственный характер он выдавал за национальную ментальность. Однако, ничто так не льстит, как уважение уважаемого человека. Хотя лично я большее предпочтение отдал бы признанию зрителей. Возможно, это было ошибкой. Часто толпа возносит настолько высоко, что человек становится невесомым. Взлетишь до небес – потеряешь вес. Каламбур в моей голове прервал тот самый комплимент, который меня обезоружил:

– Мне очень нравилась Ваша передача. Та авторская программа, с которой началась Ваша карьера независимого журналиста, беспристрастного социолога и народного любимца. «Холодный расчет», кажется. Так она называлась?

– Это было до нашей эры, – посетовал я.

– Прошлое делает нас теми, кем мы должны стать в будущем.

– Похоже, мое прошлое явилось для меня не слишком

прочным фундаментом. – ответил я, тут же поймав себя на мысли: «Кому это я жалуясь?»

– Я старался не пропускать Ваши эфиры, – продолжил хвалебную оду в мой адрес Порханов, – Зря Фридман так обошелся с единственной оставшейся на его канале реальной звездой.

– Я что-то пропустил. Неужели то, как со мной обошелся Фридман, уже показали в новостях? А за звезду спасибо. В моем случае самое реальное – это «спасибо».

– Я могу Вам помочь, – неожиданно заинтриговал Порханов и протянул мне визитку. – Здесь не мой телефон. Мой телефон Вам сейчас не нужен. А вернее – вообще не нужен. Я в фаворе, пока Россия воюет. Пока идет холодная война. Мир и соглашательство делают из меня изгоя. Именно это состояние – для меня органика. Мне не нужны друзья, как не нужны друзья России.

– Дискуссия не входит в мои планы. – признался я. – Аргументировано у меня получается спорить только в эфире.

– Так вот, – понимающе резюмировал Порханов, – позвоните этому человеку. Он не отказывает талантливым людям.

Я лишь улыбнулся в ответ, подумав, что державники тоже не чужды дружбе с предпринимателями. На возведение империи, сторонником которой осознанно являлся и я, тоже требовались деньги. Но по-моему она уже вовсю строилась. Наверное, господин Порханов обижался, что у него забыли спросить.

Тут я вспомнил, как лидер духовной оппозиции ездил за интервью к олигарху Хиросимскому и заметил «левую эволюцию» в либеральных взглядах «мученика». Я не стал размышлять на тему, кто оплатил Порханову перелет и переплет изданной после полета книги о еврейском олигархе и русском офицере. И у Хиросимского, и у бывшего полковника спецназа ГРУ был один единственный враг, тот самый, которого врагом считал весь российский люд – получивший пожизненную индульгенцию от электрического стула в виде приватизации электрического тумблера Чубайс. Таков был образ врага для провоцирующих бунт и идущих за ними строителей баррикад. Одного я не мог понять – как можно строить империи, раздувая революции, которые камня на камне не оставляют от империй...

Я не удивился изменчивости мировоззренческих постулатов строителей «пятой империи» и даже тому, что под свои знамена они пытались поставить непримиримых людей, одинаковых лишь в недовольстве властью. Шок на лице отразился только тогда, когда я разглядел на визитной карточке вычурную монограмму с литерой английского фунта и отчетливым словом «Лорд». Надо же. Этот Лорд к вечеру мог собрать все лавры графа Монте-Кристо, явившегося в свет прямо из заключения. Моя невольная аналогия была не так далека от истины. Но это мне только предстояло выяснить...

Улицу затопил августовский ливень. Садясь в машину, я уронил визитку, и она плюхнулась в лужу. Я брезгливо до-

стал ее из мутной воды и скомандовал водителю: «Поехали!», одновременно набирая номер.

На том конце ответили:

– Да, слушаю.

– Добрый день, Вас беспокоит Влад Максимов, телеведущий Влад Максимов. Ваш телефон мне дал Александр Порханов. Может я обращаюсь не по адресу, но Вы, как утверждает господин Порханов – моя последняя надежда... – эти слова меня почему-то рассмешили, последнюю фразу я изрек с произвольной ехидцей, – Могу я претендовать на встречу с могущественным инкогнито?

– Да, с Вами свяжутся, – спокойно ответил голос, и в трубке раздались короткие гудки.

Машина уже неслась по проспекту Мира в сторону центра. Водитель сообщил, что топлива в баке – с гулькин нос. В своем портмоне я обнаружил лишь совместное фото с Мишей Зеленгольцем. Снимок вызвал у меня отвращение и полетел из салона наружу. Заляпанный грязью, он приводнился в лужу. Потом я так же молчаливо вышвырнул визитку самозваного Лорда. Но ветер не пожелал уносить ее далеко, лишь прилепив к заднему стеклу моего автомобиля, который собирался заглохнуть километров эдак через двадцать.

– До офиса доедем, – оценил я обстановку на дисплее и врубил радио на полную громкость. Там на «R&B волне» громыхал последний хит «Фронтмена»:

Ты взлетишь до небес, обретишь вес,
Станешь «The best», топ-модели скажут: «Yes!»,
До Рая рукой подать. Как знать...
Придется врать, чтобы звездой стать.
Узнаваемый фейс, для тебя чартерный рейс,
Комфорт VIP-зала уютней обычного терминала.
Ты летишь в бизнес-классе, по правительственной трассе
Тебя мчит золотой экипаж туда, где Мираж...
Хочешь наслаждение испытать? От жизни все взять?
Звездой стать? Я могу тебе это дать!
Не будет стенаний, обидных разочарований,
Безответного чувства – зато будет «капуста»,
Душевной боли стон заменит телок вагон,
Вместо депрессии – глянцевая фотосессия,
Но только одно «но» договором определено –
Не морщи бровь и плюнь на любовь!
Верное дело – останется только тело!
Ставь подпись! Выводи умело...
Не поставит чернилами кляксу,
Здесь расписываются кровью – такая такса!

Глава 6. С вещами на выход.

В каптерке у швейного цеха беседовали двое. В колонии оба они стали седыми, но справились, и помогла им в этом злость ко всему белому свету, к людям и к тараканам, которые суть одно и то же.

Один из них имел в зоне почти безграничную власть, ибо являлся коронованным авторитетом, другой имел власть иного рода. Она зиждилась на миллиардах, которые он сумел утаить от государства. А еще на реноме арестанта №1, этот ярлык ему приклеила пресса.

Один из них ходил по блоку в отглаженной каптерщицей тетей Зоей робе черного цвета с подчеркнутыми стрелками, держал в зубах серебряный мундштук и перебирал янтарными четками, другой прослыл грамотеем и имел привилегию выписывать кучу газет из Москвы и содержать библиотеку. Один из них совсем не работал, не вставал по команде «Подъем», не ходил на построения и поверки и попивал чифир с «торпедами», не обращая внимания на распорядок. Другой исколот себе все пальцы швейной иглой. Сущий пустяк по сравнению с байками этапированных из красных зон Коми и Мордовии, где зэки валили лес в сорокаградусный мороз, где «опускали» залетевших по 241-ой содержателей притонов, где за невыработанную норму помещали в ШИЗО и где «сучьим мусорам» по маляве дробили кости на лесоповале. Здесь у него хотя бы был телевизор... Правда, смотреть по нему разрешали только «Аншлаг» да «Новости»...

– Дмитрий Вячеславович, я благодарен Вам за помощь, которую Вы мне оказывали. Иначе я не протянул бы и года, – на глазах бывшего олигарха явилась скупая слеза, а на губах – привычная улыбка, выражающая сарказм и безысходность одновременно. Сейчас эта улыбка приобрела еще и какой-то

неведомый, глубинный смысл. В ней читалась едва осязаемая мистическая предначертанность. Завтра опальный олигарх должен был выйти на долгожданную волю.

– И тебе, Миша, спасибо. Без тебя я б столько нужных книжек не прочел. Раньше я, как несмышлениш, все подряд читал. Ты мне на правильную литературу глаза раскрыл. Я б без тебя Маркса не понял... – отвечал законник.

Арестант № 1 вовсе не был тем, кем считали его окружающие зэки. К тому же слово «олигарх» в России утратило всяческий смысл. Ведь олигарх афилирован с властью. Олигарх и чиновник вместе придумывают схемы. В условиях хаоса Схема – это и есть бизнес. Надо увести деньги. Туда, где их не достать никому, даже если задуют ветры перемен и сметут создателей Схемы. Он был вором, но он не был вором в законе. Местные урки определили его в категорию нафаршмаченного фраера. В 90-х он боролся с ними там, на воле, финансируя ментов, а сегодня его жизнь зависит от смотрящих, положенцев, бродяг и паханов, правильных арестантов, чья философия ему претит и чье мировоззрение кажется примитивным.

На воле он поступал так же, как все деловые люди, делал то же самое, что все делают и после него. Но «закрыли» именно его. Почему? Этот вопрос не давал ему покоя все эти семь лет, что он провел в Краснокаменской зоне и читинском остроге.

Может быть потому, что он был единственным банки-

ром, кто осмеливался являться на прием к президенту в водолажке, пренебрегая куртуазным этикетом и придворным протоколом, и вступать с властью в публичную полемику, позволяя себе словно равному словесные пикировки в присутствии журналистов. Тогда он не угадал. Он поставил на несколько лошадок, но к финишу пришел конек-горбунок, невзрачный лишь на первый взгляд, незаметный до поры до времени, но преобразившийся во мгновение ока. Тогда, в 2000-ом казалось, что назначенного преемника Первого президента легко обхитрить, но бывший кадровый офицер КГБ оказался настолько юрким и проворным, насколько мстительным и неуязвимым... Они невзлюбили друг друга на органическом уровне. Миша так себя любил, что единственным достойным для себя врагом посчитал всенародно избранного президента. За это он и поплатился.

Надо было рвать когти из страны! А теперь приходилось корчить из себя патриота, тогда как совсем недавно он призывал к «ядерной оферте» – отказе от ядерного щита. Приходилось идентифицировать себя то как иудея, то как православного христианина – в зависимости от того, кто спрашивал и как это отражалось на общественном мнении. Приходилось выдавливать из публики слезу в ущерб собственной гордыне. И помогать сиротам. Это он делал искренне. По крайней мере ему так казалось. Но безжалостная публика это его рвение окрестила новой Схемой.

Наверное, он и сам бы так думал, если б не одно обстоя-

тельство. Схема эта несколько не напоминала те залоговые аукционы, которые сделали его мульти-магнатом. Тогда он кредитовал государство его же деньгами и получал в залог месторождения нефти, заводы, землю, недвижимость. Государство отказывалось платить, и залог переходил в его собственность. Откаты правителей устраивали. Ведь они считали себя временщиками. А эти, новые, уверены, что пришли навсегда. Схема не работала. Самодержавие не нуждается в Схемах.

Он многое передумал, еще больше переоценил, но не раскаялся. Он сравнивал себя с еврейскими ростовщиками средневековья, которых сжигали на костре испанские короли только за то, что не желали возвращать долги. Его незавидная участь напоминала семилетнее заточение в замке Тампль великого магистра тамплиеров Жака де Моле, который провинился перед французским королем Филиппом Красивым ровно тем же. Тамплиеры поплатились за то, что суживали деньги инквизиции и королю. Им заплатили по векселям черной неблагодарностью, поджарив на костре.

С Жака де Моле пытками выдавили показания и самооговор. А разве не пытка для него, в недавнем прошлом самого могущественного из семи банкиров, диктовавших власти свою волю, вязать варежки в Забайкалье и слушать увещевания местного начальника колонии, который не скрывает, что его любимый фильм – «Вечный жид». Там евреи уподобляются крысам. Дискуссия о недопустимости ксенофо-

бии, о том, что люди рождены равными перед Богом вызывала в глазах оппонента гнев. «Кум» считал аргументы узника неискренними, а это могло привести арестанта только в Шизо, где на четырех квадратных метрах ему расстелют вонючий матрац, небрежно бросят Библию с парой копий просроченных нормативных актов Федеральной системы исполнения наказаний и поставят миску с какой-нибудь отравой.

Тюремщики могут придраться ко всему, ведь он не приспособлен. Его адвокаты здесь бессильны. И единственный человек, кто может реально помочь в казематах, если не считать тюремную администрацию – это смотрящий, авторитет. От него зависит твоя жизнь в кубрике, в карцере, на часовой прогулке, в столовой, в цехе, в бане, даже в сортире, где тебя могут замочить. Пока ты козырный фраер, а значит потенциально можешь организовать «грев» для блатных, к тебе присматриваются и не трогают. Но достаточно одной отмашки – и тебе конец. От кого будет исходить приказ о твоём приговоре, кто «черкнет маляву» – не важно. Орудием будут зэки. Вот такие, как этот авторитет по кличке Соболев, всесильный и уверенный в себе...

– Что Вы, что Вы, Миша. Ведь мы оба политические, а политические должны держаться друг дружки. Хоть меня и записали в уголовные паханы, уж Вы то, как никто знаете, что моя борьба – это борьба за власть. А это означает, что я политик, такой же, как Вы. А ведь Вас записали в Воры. Ну, какой Вы, Мишенька, вор. Вы обычный мужик-руковишник,

закидавший суд прошениями об УДО. Наконец-то Ваше ходатайство удовлетворено...

– Политика теперь не для меня, я буду заниматься гуманитарными проектами, – напомнил Хиросимский.

– Да-да, я помню. Гуманитарные проекты. Я тоже ими буду скоро заниматься.

– А Вы уверены, что выйдете отсюда скоро. Ведь ваш срок заканчивается только через три года?

– Через три года я рассчитываю полностью легализоваться и сидеть в Кремле. Это единственное место, где я хочу сидеть...

Утром в блок Михаила Хиросимского пришел заспанный прапор-конвойный с глубокими оспинами на физиономии. Соседи по койке никак не отреагировали на визит надзирателя, так как в отличие от Соболя были безразличны к судьбе опального олигарха.

– Хиросимский, с вещами на выход. – глотая фразы вместо рассола, пробубнил прапор.

Пахана тоже разбудили. По его просьбе. И разрешили проводить олигарха до ворот. У калитки их деликатно оставили наедине.

– Еще раз спасибо, Дмитрий Вячеславович. Кто бы мог подумать, что я буду столько лет шить рукавицы, что какой-то необразованный выродок сможет безнаказанно ударить меня в лицо, а потом обвинить в домогательствах, что я как малое дитя обрадуюсь плитке шоколада и сим-карте

с положительным балансом, и меня будут бросать в карцер только за то, что я не заложил руки за спину. Там, на воле мне принадлежало полмира. За это меня окунули в грязь.

– Считай эту грязь лечебной, она делает сильнее. Во всяком случае меня. Владеть половиной мира небезопасно. Мне нужен весь мир, весь этот гребаный мир! Прощай...

– До свидания...

– Свиданка тебе не светит, – поправил авторитет, но прочитав недоумение, добавил, – Ты ведь теперь вольная птица! Полетишь на все четыре стороны...

Хиросимский вышел за ворота. Там ждала машина – черный представительский «мерседес», но он искал глазами вертолет.

Неужели его выпустили? Он все еще не верил. Его не заразили СПИДом, не отравили полонием, не пришили заточкой. Значит, его план сработал! Или нефть настолько подешевела, что власть пошла на уступки, на требования Запада? Кто бы мог подумать, что он, тот, кто был раньше так заинтересован в высокой цене барреля, нынче будет как дитя радоваться его обесценению. Да что там обесценению. Радоваться любой неудаче, любому просчету России. А нефть... Ничего странного. Малая цена нефти ослабляет власть. Власть в России держится за счет сырья. До последнего времени ей везло.

Он на свободе. Он разбит, но не сломлен. Он жив. А значит, он вышел за реваншем. Он никому не должен. Все долж-

ны ему. Все до единого. И те, кто упрятал его сюда. И те, с молчаливого согласия которых он здесь находился. Этот дикий народ, большая часть которого его ненавидит. За то, что он успешнее, богаче, умнее. Все это время никто не вспомнил, что у него трое детей, его близнецы и дочка, что у него престарелые родители, мама и папа, жена, которая бросила комфортную Москву и переселилась в Читинский острог. Сорвалась из столицы словно неистовая декабристка, в забытый Богом город на урановых копиях. Николай 1 сослал восставших декабристов сюда же, в эти унылые, неосвоенные земли. Это было символично и лишней раз доказывало, что он политический ссыльный, узник совести. Странно, но даже стоящая на довольстве Штатов «Международная амнистия» не признала его таковым.

Зато это признал православный батюшка, отец Сергей, оказавшийся бывшим скинхедом, отбывавшим срок в конце 70-ых за национализм. Какова была мотивация его кардинального перерождения – неизвестно, но добрый человек не пожелал освятить администрацию зоны, за что его лишили сана. Это сыграло на руку и об этом раструбили западные СМИ. Надо не забыть о батюшке... Как-то грустно отец Сергей глядел на последней встрече, старался распознать сквозь очки настроение по его слезящимся глазам. А в другой раз настоятеля уже не пустили. Что же он сказал тогда... Ах да... Он сказал: «Многое Вам предстоит претерпеть еще. Многое... Но недолго осталось. Скоро Вы будете

свободным. Совсем свободным. От всего свободным...» Что он имел в виду? Жутковато как-то стало тогда. И теперь, когда он вспомнил слова предостережения настоятеля краснокаменского прихода. Ох уж эти попы и раввины. Пророчествуют, а на уме, небось одни деньги.

Хиросимский мало верил в человеческую бескорыстность. Хотя и научился радоваться малейшему проявлению сострадания, к которому становишься особенно чуток, когда тебе по-настоящему плохо. Он все же чувствовал его в отдельных репликах, в письмах, во взглядах. Но трудно было в них верить, ему – нигилисту, особенно под натиском психологической атаки следователей, главным аргументом которых был беспощадный тезис : «Народ тебя ненавидит». Этому он почему-то верил безоговорочно, хоть утверждали это его враги. Просто еврею не надо доказывать, что его ненавидят. Он потому и защищается всю жизнь – богатеет, приобретает связи, строит козни, потому что уверен в окружающей его ненависти и злости. Он просто пытается обезопасить себя. Даже если это еврей наполовину. Как он. Так у всех. И у чеченцев чувство свободы гипертрофированно. Они столько претерпели, что единственным способом защиты от власти считают ее завоевание.

Ну и пусть все его ненавидят. Даже если так. Значит, этот народ нуждается в лечении. В кровопускании. Об этом предстоит позаботиться... Там, в Лондоне, как ему сообщили доверенные лица, скептически отнеслись к его концепции

Левого поворота. Они не хотят новой российской революции, они боятся ее. Им сподручнее вместо классовой разжечь этническую, на худой конец, религиозную войну. Какая разница! Как кризис оздоравливает экономику, сбрасывая шлаки, так война, гражданская война, модифицирует общество. Как пережной питает семя, так смерть рождает жизнь! Они намекнули о гражданской войне между самыми близкими, самыми крупными этносами. Настоящее кровопролитие, затяжной конфликт, а не маленькая победоносная война. Между близкими противоречия примечаются быстрее, только близкого можно возненавидеть, только братский этнос можно посчитать предателями. Они имели ввиду украинцев! Они хотят сравнить братские народы! Русских и украинцев. Они их уже поссорили. Но какую роль они отвели ему? Оракула, лидера оппозиции, марионетки?

Эти кукловоды его плохо знают. Как только вассал окрепнет, то смахнет суверена. То же проделали большевики с немцами. Это легко. Они слишком поверхностно отнеслись к его «левому повороту»... Он свернет в него, как только момент настанет. Поддержка люмпенов и профсоюзов предпочтительнее поддержки черносотенцев, ибо пролетариев на порядок больше! К тому же, как метко выразился Эйнштейн, национализм – корь человечества. Оно переболеет ею, как только окончательно смешается. И умрут стереотипы, не будет пристрастия, ксенофобии и антисемитизма. Канет в лету расизм. Так будет. Ведь стал мулат-полукровка президентом

самой могущественной державы мира! Черт побери! Долой предрассудки! Ну, конечно же, они видят в нем, именно в нем, безвинном страдальце, отсидевшим срок, нового президента России... Да будет так!

– Самолет ждет, – доложили встречающие адвокаты. – Мы должны выполнить все условия сделки с властями и покинуть Россию.

– Я знаю... – улыбнулся Хиросимский. – Но с Вами не полечу. В аэропорт меня доставят люди Дмитрия Вячеславовича Соболевского.

– Кого? – недоумевающе переглянулись адвокаты. – Он же бандит...

Увидев садящийся вертолет, они и вовсе опешили.

– В ваших услугах я сегодня не нуждаюсь! – крикнул напоследок олигарх, и вертолет поднял его в небо. – Это мой маневр. Властям я не доверяю. Это мера предосторожности. До Читы доберусь на вертушке, о которой в ФСБ не знали, а оттуда – на рейсовом самолете, понятно. На рейсовом, и не в коем случае не на частном... Ясно?!

Он летел над серыми панельными пятиэтажками и думал о пыли и о ветре, который несет ее с урановых рудников на безмятежный город. Унылый город еще спал. А быть может, всегда спал. Смиренный пятидесятитысячный Краснокаменск, провинциальный и безропотный до мозга костей, олицетворение безразличной России. Поднимаясь к облакам, он думал, что потратил все это время не зря. Во всем

этом возможно был смысл.

Ему и только ему доведется разбудить демона, поднять русский бунт. Его лондонские друзья называют это теорией управляемого хаоса. Ему же все виделось в ином свете. Этот свет особенно ярок, пробиваясь сквозь страдание, подкрепленный громадной ненавистью и нереализованной энергией не дюжей натуры. Гордыня жаждала насыщения, равноценного возмездия. Он был атеистом, но мнил себя пророком. И ровняя себя с мессией, возлагал на себя непосильную ношу, только ему предназначенный крест. Он ведь взаправду считал, что осужден за всеобщий грех. А значит он вправе упрекнуть этот бессердечный народ и наказать его за несправедливость. Его правители и первосвященники ничем не лучше фарисеев, обрекших на гибель праведника и выпустивших на волю убийцу Варраву. Народ кричал, неистовствовал и свистел, требуя у прокуратора отдать им Варраву. Разве полковник Будаков не сегодняшний Варрава, не предпочтительная альтернатива осужденному олигарху, которому даровано было все богатство мира. Но получившему в удел койку с кантиком в блоке со ста пятьюдесятью зэками и проведенный долгие годы заточения в «мертвом городе», где счетчик Гейгера не устанавливают лишь потому, что не хотят знать, сколько миллирентген в час излучает дорожная пыль и насколько вредно дарить любимой букеты из местных лютиков и фиалок.

Внизу колосился камыш. Травушка-муравушка росла бес-

призorno на здешних полях. У подножия красной горы паслись тощие коровы. Они тщательно пережевывали траву с радиоактивной пылью. Злые языки поговаривали, что за вредность местным работягам полагается молоко...

Глава 7. Аудиенция мистера Уайта

Настоящий враг никогда тебя не покинет.

Станислав Ежи Лец, польский писатель

Менее всего военный консультант Пол Уайт, человек, имевший в Лэнгли репутацию гипер-авантюриста, чей дерзкий план дестабилизации России вот уже четыре года пылился в секретных архивах, ненавидел условности и морщился от излишнего надзора. До последнего времени ему не везло. В Грузии не все прошло гладко – «русский медведь» выказал несвойственную великану расторопность, но Уайт смог выйти сухим из воды, доказать свою правоту нетерпеливому руководству и отсидеться в китайской резидентуре.

В Китае ему было скучно. Ведь в мире разразился кризис. А даже китайцы знают, что кризис – это не только опасность, но и благоприятная возможность. Те два иероглифа, которыми китайцы выписывают слово «кризис» несут в себе именно эти два противоположных смысла...

Кураторы мистера Уайта были наслышаны о его расистских высказываниях в адрес 44-ого президента США. Уайт

болтал действительно лишнее, сомневаясь вслух и не там, где можно, что мулат-президент всего лишь шоколадный эклер с белой начинкой.

Любимой исторической датой Уайта еще со школы было 4 апреля 1968 года, день, когда снайперская пуля сразила борца с сегрегацией Мартина Лютера Kinga. Уже тогда, в детстве, маленький Пол, сажая связки, доказывал сверстникам, что «нигера замочили спецслужбы». В старших классах Пол упивался чтением, когда перелистывал англичанина Киплинга, улавливая в его произведениях нечто для других незаметное. Сам он понял зашифрованный смысл книг Киплинга позднее, когда познакомился с политическими взглядами писателя. А ведь он чувствовал, будучи любознательным подростком, что интуиция его не обманывала... Человеческий детеныш Маугли для зверей все равно, что Английская корона для покоренных колоний! Бремя англосаксов – не грабеж, не расправа, не высокомерие, а покорение низших рас для их собственного блага! Подростком Уайт вступил в Ку Клукс Клан, но вскоре понял, что нынешние «балахонщики» – лишь бутафорская пародия на былых линчевателей.

Благодаря протекции дяди-ветерана Вьетконга он поступил в «коммандос» армейской разведки. Так началась жизнь солдата удачи, наемника, профессионала. Он проявил невиданные организаторские способности и был замечен в ЦРУ...

Эмпирически, то есть на личном опыте, мистер Уайт по-

нял, что у белых и черных кровь одного цвета – красного. После этого открытия Пол Уайт несколько модифицировал свои закостенелые взгляды. Теперь он сражался за более узкую этническую прослойку. Не за белых вообще, а только за англосаксов. Когда же дядя-ветеран поведал племяннику семейный генеологический секрет, признавшись, что в их роду была-таки еврейка на четвертинку, мировоззрение Уайта парадоксально развернулось к истокам.

Сперва ошарашенный новостью Пол превратился в анти-сеμίта, потом снова стал расистом, затем опять переметнулся в радетеля англосаксонской цивилизации, империи, у которой много врагов, таких же империй, но других, не англосаксонских... При этом Уайт отчетливо понимал, что истинный англосакс не должен бояться остаться в полном англосаксонском одиночестве. Он не только против всех, но и сам за себя... До этого интеллектуального тупика пока было далеко. Пока было кого ссорить, можно было оставаться в мире с самим собой...

Закрытие тюрьмы в Гуантанамо президентом Обамой мистер Уайт воспринял как личное оскорбление. Блестящий организатор банановых переворотов, на протяжении десяти лет стравливавший нигерийские племена и колумбийские картели, был уверен, что Штаты проявили слабость. Так же считали еще несколько влиятельных сенаторов-республиканцев, лоббирующих кубинских «гусанос» и античавистов, но главное – на той же платформе стояли кураторы

Уайта из ЦРУ. И тогда план Уайта всплыл и ему присвоили таинственную литеру «Л», стилизованную под английский фунт...

Таким образом в один прекрасный момент «героическое прошлое» мистера Уайта разогнало облака в его на первый взгляд непроглядном будущем ровно так, как все это время заставляло закрывать глаза на его политические взгляды и его провалы в настоящем.

К слову, свои очевидные провалы Уайт умел представить уловками, а свой англосаксонский гонор выдавал за американский патриотизм, не забывая при этом постоянно и в открытую восхищаться самой большой по территории мировой Империей, коей была в свое время Великобритания. «Канувшая в лету Держава никогда не заигрывала с туземцами и не пыталась ассимилировать варваров,» — не уставал повторять Уайт.

Символично, что спустя какое-то время его вызвали в Вирджинию, чтобы срочно отправить из графства Фэрфакс в Лондон. Нет, не в конкурирующую разведку МИ-6. В Лондоне обитали друзья поважнее...

Провожая, мистера Уайта предупредили, что теперь он в полном распоряжении джентльменов, которые сообразовали назначить ему аудиенцию в одном из клубов неподалеку от Сент-Джеймского дворца. Перед своим докладом, который уже вызвал неподдельный интерес этих джентльменов, настолько, что они поспешили перевести первый транш на

его реализацию, мистеру Уайту предписывалось соблюсти ряд пустяковых формальностей. Эти англичане и дня не могут провести без своих чопорных традиций!

Уайт был согласен на все, хоть отчасти и удивился, что в Лондон из Вашингтона ему придется доставить одного «очень опасного негодяя», египетского члена аль-Каиды, доселе пребывавшего в пожизненном заключении на базе Гуантанамо...

Он долетел до лондонского Хитроу первым классом, взглянув на подопечного арестанта только дважды за весь перелет. Свою беспечность Пол Уайт оправдывал неприятием обидного статуса конвоира, отводя себе роль птицы более высокого полета.

Итак, он прибыл в Лондон без багажа, если не считать навязанного в дорогу бородатого египтянина с грустными глазами и кобуры со штатным оружием, проверенным в деле смит-вессеном. Цэрэушная ксива со значком Лэнгли беспрепятственно провела его сквозь таможенные препоны и полицейский кардон. Однако, его никто не встречал, что Уайту не понравилось больше связанного наручниками араба.

На улице он не увидел ничего и никого, кроме горбатых кэбов со смуглыми водителями. Он оглянулся по сторонам. Никого заслуживающего внимания рядом. Тогда он усадил свою обузу в кэб, устроился рядом с ним и приказал шоферу-сомалийцу следовать на Сент-Джеймс-Стрит.

...Телефонный звонок разбудил Уайта на шумной Пикка-

дилли-серкус. В мини-кэбе он пребывал в беспамятстве и в абсолютном одиночестве. В кэбе не было ни араба-террориста, ни чернокожего водителя. Зато вокруг несуразной статуи ангелочка, больше похожего на Эроса, шныряли нищие в спальных мешках и пропахшие собачьим дерьмом растаманы с дредами. Уайт опустил стекла, чтобы лишний раз убедиться в промозглости лондонской погоды и нагромождении неприятных запахов на местных улицах. Голова раскалывалась от отключившего его «сонного газа» и с трудом переваривала акцент надменного англичанина, хоть он и говорил отрывисто и с расстановкой:

– Напоминаю, мистер Уайт, вы должны прибыть по указанному адресу ровно в час дня. Вас примут джентльмены. Вы должны быть одеты в костюм темно-синего цвета. Не имеет значения, где вы его приобретете. Это лишь не должен быть универмаг Херродс. И не забудьте доставить вверенного Вам египтянина...

Всю жизнь Уайт решал головоломки. Упоминание универмага Херродс, того самого, что входит в империю египетского миллионера Мухаммеда аль-Файеда, отца Доди, любовника Дианы, показательно, наверняка молитвами Королевы, попавшего вместе с принцессой в автокатастрофу, не было случайным. Египтянин... Именно это слово было ключевым. Он потерял живой груз. Возможно, не без помощи пресловутых джентльменов. Они его проверяли. Будь неладны эти английские снобы, любители Конан Дойля, которые,

похоже, умирают со скуки, раз уговорили его кураторов на одиночный конвой «опасного террориста».

Мистер Уайт пересел за руль, боднув мимоходом просящего милостыню гавайца со словами:

– Ты не похож на египтянина!

Они хотели египтянина? Они его получают! Египтянина и темно-синий костюм... Придется обзавестись и тем, и другим на блошином рынке. Один его приятель в Лэнгли, который не раз командировался у союзников, утверждал, что в Лондоне все можно найти на Портобелло-роуд ...

Мультибрендовый бутик неподалеку от блошиного рынка и секонд-хендов привлек внимание Пола Уайта не столько греющимися в витрине белыми кошками, сколько стоящим на входе человеком-сендвичем. Лицо этого человека, рекламирующего своим одеянием ближайший паб, определенно подходило по типуажу.

Вообще-то этот бедолага по имени Мустафа прибыл в Англию не из Египта, а из Мумбая, где с трудом сводил концы с концами. В Лондон парень добрался в мешке с листьями цейлонского чая с десятью такими же голодранцами из мусульманского анклава, которым в Индии не светило ничего, кроме унижения и вероломных погромов от шиваистов-язычников. В соседнем мешке в порт приехала и его верная супруга Индира. Она любила парня. Он никогда не сдавался и никогда не унывал. Он использовал любую возможность подработать и верил, что найдет высокооплачива-

ую должность. Ведь он умел читать.

Первые дни они ночевали прямо в доке, а потом устроились в университетском общежитии в районе Блумсбери. Везунчик Мустафа уже по истечении первой недели нелегальной иммиграции наткнулся на «доброе самаритянина» — пакистанца, который предложил ему стоять сендвичем у входа в паб за фунт в час и обеды с ресторана. Когда Мустафа вернулся с работы в общежитие, Индира устроила пир для беженцев. Мустафа впервые за долгое время скитаний почувствовал себя мужчиной. Его жена улыбалась. Друзья высказывали уважение.

Англия встретила их широкими объятиями. Сегодня, перед сном, он читал Индире стихи какого-то Байрона, чей пыльный томик Мустафа нашел на забытой полке. Он умел читать, ее любимый. Но даже он не знал, что нищий лорд, автор походов Чайльд Гарольда не очень-то жаловал распростертые объятия своей родины, умевшей забыть свои восторги ради своих же сплетен. И всякий раз, сбегая от предрассудков света, поэт пускался в странствия, не желая расставлять свои руки в ответ. Может он думал, что с расставленными в объятиях руками его легче будет распять...

Из магазина мистер Уайт вышел в темно-синем костюме с фальшивой биркой «Пол Смит». Подозвав индуса к себе, он всучил в его немытую ладонь десять фунтов и попросил об одолжении еще на четвертак. Надо было разыграть кое-кого в офисе в районе Сейнт-Джеймс. Работа не пыльная — зай-

ти в особняк, выкрикнуть фразу: «Я вместо него!» и отправиться восвояси. Актеришке за такой незамысловатый спектакль наверняка заплатили бы меньше. Почему бы не подработать...

Мистер Уайт попросил Мустафу «снять с себя весь маскарад» и переодеться на заднем сидении кэба. Американец приобрел два одинаковых костюма, один из которых предназначался для лже-египтянина. Джентльмены ничего не сказали о наручниках, и мистер Уайт предпочел не уточнять детали. Руки Мустафы остались свободными.

Седой привратник, одинаково похожий на маньяка Ганнибала Лектора и дворецкого сэра Баскервиллей, встретил двух визитеров без одной минуты час у калитки роскошного особняка викторианского стиля.

—Я провожу Вас, — невозмутимо изрек привратник и провел посетителей в гостиную. Из мебели здесь были лишь кожаный диван, предусмотрительно накрытый целлофаном и стеклянный столик. На нем лежал пистолет-пулемет со встроенным глушителем. Л... Да, кажется Л34 или «Стерлинг». Уайт не мог ошибиться в том, чем владел досконально. Оружие спецназа Королевской морской пехоты. Англичане продали много таких игрушек, в том числе на Ближний Восток. 72 маленьких отверстия в стволе для отвода пороховых газов в цилиндр-диффузор. Это дает двойной эффект глушения выстрела. Его звук невозможно распознать даже вблизи...

Привратник усадил Мустафу на кресло, затем подошел к американцу и шепнул ему на ухо:

– Джентльмены ждут Вас в конференц-зале. Зал за дверью. Чтобы туда войти, по традиции надо пройти обряд. Обычно он сопровождается клеймением, переодеванием из синего костюма в мантию с соломенным париком и расстрелом приговоренного. Ваше вступление в знак особого к Вам расположения решили ограничить расстрелом.

Мустафа неожиданно заерзал. Шелест целлофана побудил его к вопросу:

– Мистер, а когда мне следует сказать, что я вместо него?

– Прямо сейчас, – разрешил Уайт.

Мустафа сильно нервничал. Ему стало не по себе сразу, как только он оказался в этих мрачных стенах. Когда он увидел оружие на столе, он испугался еще больше. Перед глазами вдруг промелькнул образ его Индиры, которая звала его к Гангу, предлагая омыть его уставшее тело своими ласковыми руками.

Солнце над Гангом пробуждалось, и половинка его уже показалась из-за горизонта, придав обелиску гордыни великих Моголов, величественному Тадж-Махалу, усыпальнице самой красивой из женщин, розовый отблеск. Самая красивая на свете на самом деле она, его Индира. Но ей рано умирать. Мустафа вдруг понял, что смерть постучалась к нему. Он встал и посмотрел в глаза своему убийце. Затем сказал:

– Правда ведь, что в Англии у каждого осужденного есть

право на последнее желание... Прошу Вас, мистер, передайте обещанный мне гонорар, как угодно, в конверте или через посыльного, моей жене. Ее зовут Индира... Она живет в университетском общежитии в районе Блумсбери. Эти деньги ей пригодятся. О ней кроме меня некому позаботиться. Хорошо, мистер?

– Эти индусы и пакистанцы, они такие попрошайки, – безглаголиво прошипел привратник.

– Это египтянин, – поправил его Пол Уайт, не сомневаясь теперь, что джентльмены знают все о его подлоге. Затем он смерил Мустафу хищническим взглядом, взял в руки «Стерлинг» и процедил сквозь зубы, – ОК.

Мустафа набрал в грудь воздуха и что есть мочи крикнул:
– Я вместо него!..

Мистер Уайт прошил его хладнокровной очередью. Привратник кивнул в знак одобрения, принял из рук американца использованное оружие и открыл для него дверь. Он сделал это не спеша, как подобает опытному слуге высокочтимых господ. У каждого своя работа. Мистер Уайт идет на аудиенцию, а он приберет здесь все до следующего гостя...

Ни в этот день, ни в последующий, никогда жена Мустафы не узнает, куда исчез ее муж. Индира лишь вздрогнет, стирая белье в ту самую секунду, когда кровь ее супруга брызнет на целлофан в одном из самых фешенебельных районов столицы Англии. Никто не доставит для нее ценою собственной жизни заработанный гонорар. Никто не научит ее читать...

В ту самую секунду она выглянет в окно и успокоится, когда мимо по мощеной улочке проедет клерк на велосипеде, которому козырнет улыбающийся констебль. Завтра он будет стоять на том же самом месте, но она не обратится к нему по поводу пропажи мужа. Ее остановит мысленное сравнение с продажными индийскими полисменами и угроза быть депортированной миграционной службой.

Рафинированный город, чистый в этих районах, живет своей жизнью, которой нет дела до таких, как они. Спустя какое-то время Индира поймет, что дело до них все-таки есть. Чужаков ненавидят, презирают, боятся и убивают. Через год Индира падет от руки скинхэда, когда в один обычный день, задержавшись на работе, на которую никогда бы не согласился коренной лондонец, будет возвращаться домой. Не у всякого убийцы есть заказчик... Ее пырнет ножом подвыпивший подросток из благополучной семьи, студент того самого университета, в общежитии которого ютятся сотни мигрантов. Провернув лезвие в ее животе, он объявит свой приговор:

– Come in large numbers*...

И бросит на бьющуюся в агонии жертву визитку с единственным словом, исполненным готическим шрифтом. Слово «Born» означает «рождение». Убийцами не рождаются. А иногда чье-то рождение означает смерть. Чью-то и свою собственную.

Потом он завяжет белые шнурки на своих армейских бо-

тинках, бравируя перед дружками из фанатской «фирмы» своим «подвигом» в подворотне и лакая с ними пиво в дуплексе на Пикадилли. Родители приобрели эту квартиру специально для сыночка в кредит несколько лет назад, до кризиса, по ипотеке. Не жить же их отпрыску в общежитии!

Россия и Англия. Две разные страны. Такие далекие, иногда находящие общий язык, но в основном лишь на предмет транспортировки сжиженного газа с сахалинского месторождения, а так почти всегда враждующие. В чем секрет? Имперское прошлое, истоки которого в шовинизме? Или отсутствие имперского будущего, планы на которые перечеркнуты многополярностью мира?

Так же похоже выглядели два случая в двух самых крупных мегаполисах Европы, Лондоне и Москве, в подворотне Блумсбери и на Можайке, где в мусорном контейнере у районной управы в тот самый день, когда от руки несовершеннолетнего скинхэда пала индианка, была обнаружена голова таджикского гастарбайтера. На мусорном баке оперативники прочли непонятную надпись на русском – «БОРН».

Аббревиатура наляпанной кириллицей «визитки» была расшифрована, когда видеозапись преступления с циничной гордостью разместили во всемирной Сети. Ответственность взяла на себя Боевая организация русских националистов. Таким образом московские «скины» выразили свой протест против неисполнения приказа Премьер-министра на сокращение квот на иностранную рабочую силу...

Перед тем, как отрезать голову таджику, на соседней улице они зарезали якута, наставника ребяташек в функционирующем с горем пополам шахматном клубе. Мастер спорта по шахматам из Якутска многим мальчишкам привил любовь к этой мудрой игре. На скудные средства, добытые у меценатов, он проводил между ними турниры. Некоторые шахматные доски он раздобыл в мусорных баках. Очистил их, покрасил и залакировал, вместе с ребятами вырезал из иссохших срубленных веток клена недостающие фигурки. Но одно он не успел сделать – научить играть в шахматы своего шестилетнего малыша. Единственное, что отец показал сынишке, это как ходит слон. Он ходит по диагонали...

...Мистер Уайт забыл о своем обещании передать деньги жене казненного им «египтянина» в ту самую секунду, как оказался перед искушенной аудиторией, облаченной в темно-синие костюмы. Эти респектабельные люди в дорогих костюмах от «Бриони» не сомневались, что вершат историю. Все они умели читать, даже по диагонали, и знали толк в шахматах.

– Добро пожаловать в наш клуб, мистер Уайт, – поприветствовал его высокий человек. Чей голос Уайт узнал, ибо он принадлежал рекомендовавшей его персоне, поручителю из ЦРУ, у которого, похоже, не было иного авторитета, кроме Збигнева Бжезинского*. Во всяком случае, президенту Америки он, как и Уайт, точно не подчинялся...

*Come in large numbers... – понаехали (*англ.*)

*Збигнев Казимеж Бжезинский – политик США, этнический поляк. Один из главных идеологов политической гегемонии США как единственно возможной мировой Империи. Автор книги «Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы». Цитаты:

1. «Если русские будут настолько глупы, что попробуют восстановить свою империю, они нарвутся на такие конфликты, что Чечня и Афганистан покажутся им пикником»,

2. О чём я должен сожалеть? Эта тайная операция [поддержка исламских фундаменталистов в Афганистане] была замечательной идеей. В результате русские попались в афганскую ловушку, а вы хотите, чтоб я об этом сожалел? Что важнее для мировой истории? Талибан или крах Советской империи?»,

3. «Россия может быть либо империей, либо демократией, но не тем и другим одновременно... Без Украины Россия перестаёт быть империей, с Украиной же, подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически превращается в империю».

Глава 8. Фурор на презентации

– Добрый день, джентльмены... – мистер Уайт оглядел помещение и собравшихся молниеносным взглядом и остался доволен, что кафедра, указка, проекционный экран и телевизоры из БиБиСи находились в его распоряжении. За пультом у мониторов сидели инженеры передвижной теле-

студии, готовые к трансляции он-лайн. Организаторы подготовили все, о чем он просил. Даже бокал с молоком. Не стоило тратить драгоценное время. Он начал сразу, как только осушил бокал, – Благодарю за то, что мой скромный план был высоко вами оценен. Ваши средства, которые подкрепили вашу оценку, не потрачены впустую. Они уже работают. Надеюсь, в этом вы уже успели убедиться. Свою сегодняшнюю презентацию я, если вы не возражаете, проведу в режиме видеоконференции. Я продемонстрирую вам видеоотчет о проделанной работе и, если техника не подведет, покажу, что происходит прямо сейчас в Грузии, Украине и России...

На секунду мистер Уайт отвлекся на огромный серебряный знак «£»*. «Либра» свисала с потолка и подсвечивалась изнутри. Он вдруг подумал, что эти ребята одинаково не любят Россию и Штаты. Не беда, в нынешнем виде он тоже не воспринимал Америку. Для Уайта патриотизм заключался не в территории, а власти над ней, не в населении, а в возможности им управлять.

*Либра £ или ₤ – принятый в мире символ обозначения фунта стерлингов. Знак представляет собой латинскую букву «L» с одной или двумя горизонтальными чертами. Название происходит от латинского «libra» – основной меры весов Римской империи, перенятой в Британии после падения Рима.

Фунт стерлингов являлся основной резервной валютой в

большинстве стран мира в 18-ом и 19-ом веках, когда Британия стала самой больной в мировой истории Империей. Тяжелая экономическая ситуация в Великобритании после Второй мировой войны и усиление доминирования США в мировой экономике привело к потере британским фунтом статуса наиболее значимой валюты. В середине 2006 года он стал третьей наиболее широко распространенной резервной валютой, получив на радость англичанам всплеск популярности в последние годы.

– Итак, план «Либра» опирается на шесть фигур. Король – он же Марионетка. Слон – Мессия. Конь – наша рабочая лошадка. Ладья – наш повод. Пешка – наша приманка, наш глупый червячок. И, конечно же, Ферзь – наш Телекиллер... – приступил мистер Уайт. На проекционном экране возникли шахматы. – Пешка – жертва, ее мы уже скормили противнику, чтобы втянуть его в затяжной конфликт и рассорить народы. – Флэш-аниматоры постарались. Голова пешки трансформировалась в физиономию грузинского президента... Саунд-треком к видеоряду был диско-хит "We don't wanna put in..." – совместное творение грузинских диско-исполнителей, лишенных возможности выступить на прошлогоднем Евровидении, и британского продюсера Стивена Бада-Плохого, убедившего грузин в том, что они победили вне конкурса, и что их сингл намного «круче» норвежской сказки белорусского Рыбака.

We don't wanna put in...
The negative move.
It's killin' the groove...

Скандал с этой песней, разделившей мир перед «Евровидением-2009» породил два перевода текста. Первый – эротический, рассказывающий о нелегком труде поп-исполнительниц, вынужденных ради карьеры спать со своим продюсером, никого из «синих пиджаков» не интересовал:

Мы не хотим, чтоб нам вставляли.

Негативное движение

Разрушает канавку...

Слово «groove» можно было перевести и как «желобок», эдакий продолговатый резервуар, недвусмысленно намекающий на женские гениталии. Не важно. «Синим пиджакам» больше нравился опирающийся на игру слов перевод с политическим контекстом: "Мы не хотим Путина – Это разрушение – Это убивает весь кайф" ...

Пол Уайт не упустил возможность лишний раз подчеркнуть, что он и его команда изначально планировали поражение Грузии в восьмидневной войне с российской 58-ой армией. Хотя это было и не совсем так. Вернее, совсем даже не так. Английский Secret Intelligence Service наверняка в курсе, что не все пошло как по маслу. Русские умело разыграли абхазскую и осетинскую карту. Однако, именно сейчас нель-

зя было допустить, чтобы к «русскому медведю» после спячки вернулись все его привычки и таланты.

Разделять и властвовать – эта категория Рима. А Новый Рим – это не Москва и не Нью-Йорк! Это Лондон! Сейчас Полу Уайту хотелось думать так, как явно думали в МИБ и на Даунинг-стрит, и как тайно размышляли в Вестминстерском замке.

В Штатах Уайт чувствовал себя винтиком, ему никогда не позволили бы снарядить собственную армию и влиять на пресловутые судьбы мира. Здесь, в Лондоне, все было по-другому. Эти джентльмены и их англо-саксонское лобби в Штатах изголодались по реальному уважению. Они, как и он, жаждали перемен. И не боялись действовать. В этом действии ему, бесстрашному, напористому и сокрушающему все на своем пути отводилась ключевая роль. Отныне он сам был куратором, автором проекта. А значит, он пойдет до конца.

Пол никогда не скучал по Вирджинии, по этому заштатному МакЛину в графстве Фэрфакс. Они больше ничего не могли ему дать. Они способны были только отнять. Он больше не нуждался ни в чьей опеке. И никто не имел права его останавливать. Спустя пятнадцать лет работы на управление, он мог все сам, имея для этого почти все. Это они, его коллеги-перестраховщики закопались в виртуальном мирке. Его мир был сопряжен с реальностью.

Все, что рождалось в его голове и конструировалось в

виде стратегии в формате «батл-гейм», он реализовывал на практике. Все время находились критики. Его проекты отвергались ведущими аналитиками, стоящими на штате в обеих разведках. Плевать, из аналитиков Уайт признавал лишь Збигнева Бжезинского. И он был рад, что обрел единомышленников. Не важно, что самые влиятельные из них были англичанами. Ему нет дела, что речь идет о Великой Британии. В конце концов, Штаты и Англия объединятся под флагом англо-саксов, а цветные снова станут рабами!

Уайт давно уяснил, что этим шишкам нравится больше всего – все должно быть высокобюджетно и красиво. И заканчиваться хэппи-эндом даже в случае поражения. Но больше всего этим парням нравились его презентации. В них Майкл был виртуозом. Он был прирожденным рекламщиком. Война на порядок зрелищнее мира... И война – слишком серьезная штука, чтобы доверить ее военным...

– Мои соболезнования министру иностранных дел Британии мистеру Милибэнду. Он, видно, так и не отошел от русского мата, которым его периодически поливают из Москвы. Поэтому его нет... – Пол разрядил обстановку шуткой перед тем, как приступить к дальнейшему изложению отчета. Он был в ударе. – Хотя, Милибэнд слишком юн. Вот если бы здесь появился премьер-министр. Хотя, стало бы слишком очевидным, что конкретно здесь происходит. Пусть он узнает обо всем по телевизору. Он никак не годится на роль нашей Марионетки. Не потому что его нельзя купить, или по-

тому, что на него нет компромата. Нет – здесь иной случай. Он боится русских! В Лондоне все боится русских. Их «Зенит» может выиграть Кубок у «Манчестер Юнайтед». Русские произвели на Лондон ядерную атаку, сразив плутонием своего предателя Литвиненко, и взорвав головы англичан. Да, англичане боятся русских, точно так же, как американцы. Не боятся их может только по-настоящему близкий народ. Их истинные братья. Противоречия между близкими мы должны были возбудить. Только конфликт между родными людьми может превратить любовь в ненависть. В любом другом случае все кажется далеким, пустым, не вызывает ничего, кроме равнодушия. И нам это удалось. Теперь есть такой народ. Большой и сильный народ, которому мы привили чувство опасности, заставили думать о поползновениях на его независимость. Народ с комплексом младшего брата, которого тяготит неуместная опека и показное высокомерие. Народ, которому мы переписали его собственную историю. И поставили над ним нашу Марионетку... Я приступаю к дальнейшему раскрытию плана «Либра». Я расскажу вам о поводе для войны, о Марионетке, которая ее объявит и о Мессии, который родится на ваших глазах...

На проекционном экране появились очертания полуострова Крым.

– Украина безуспешно пытается отстоять свою территориальную целостность. Крым – ахиллесова пята. Но не Украины. Это слабое место России. Именно Крым станет отправ-

ной точкой истинного кровопролития. Россия будет втянута в затяжную войну. С братскими могилами. С обвинениями народа в адрес власти, что она не предотвратила конфликт с братской страной. С недовольством дуумвиратом, который выльется в народный гнев, в революцию.

Это не маленькая победоносная война, которая избавляет от комплексов и укрепляет боевой дух нации.

На экране возникла Грузия с заштрихованными территориями Абхазии и Южной Осетии.

– Вызывает ностальгию по сокрушенным империям.

Карта Грузии сменилась картой СССР времен застоя.

– Любой итог столкновения Украины и России выгоден нам. Результатом здесь может быть только хаос. Ослабление власти. Крушение режима.

Как развязать конфликт? Что нужно, чтобы разжечь пожар? Как поддерживать огонь? Верно, джентльмены. Нужен Повод.

На экране возникла фигура ладьи, которую сменил российский военный корабль.

– Вы поняли, о чем идет речь. Это ладья. Вы видели ее в новостях. Малый ракетный корабль «Мираж», на оснащении которого противокорабельные ракеты «Малахит» и зенитно-ракетные комплексы «Оса». Место дислокации – бухта Карантинная, город Севастополь, Крым. Именно это боевое судно потопило грузинский катер. Идеальная мишень для праведной мести со стороны непримиримых грузин, по-

терявших по вине русских весь свой флот.

Из мрака появились боевые пловцы в водолажном снаряжении с ранцами-ребризерами. Подводная съемка запечатлела их приближение к борту корабля, крепеж пластикового заряда, отплытие группы и мощный взрыв.

– Не спрашивайте меня об этническом происхождении этих парней. Все будут думать, что это грузины. Потопление русского корабля в Севастополе воспринято как месть грузин за свой уничтоженный в Потти флот. Одновременно, как вы уже проинформированы, произведен подрыв памятника Екатерине Великой в непосредственной близости от украинской администрации. Пусть все думают, что это осуществили украинцы.

От памятника российской царице напротив Дома офицеров флота не осталось камня на камне. Труп охранявшего его ночного сторожа в форме русского казака камера показала смакуя, крупным планом.

– Как вы знаете эти два события породили бурю народного недовольства пророссийски настроенного населения Крыма. Севастопольцы вышли на Графскую пристань. Народ высыпал на набережную, где морская пехота Черноморского флота России устроила экзекуцию над студентами-националистами, пытавшимися водрузить украинский флаг над памятником затопленным кораблям. Москва объявила эти действия кощунством, осквернением исторической памяти и призвала защитить Город русских моряков от вандалов.

Экстремисты восприняли этот призыв как приказ к обороне города от законной власти. Начались массовые беспорядки. Сперва погром украинской администрации, затем пожар на флагмане Украинского флота «Гетман Сагайдачный», далее – снос памятника гетману в бухте Омега угнанным бульдозером. На следующее утро молодчики облили краской здание СБУ на улице Ленина, принялись избивать милиционеров и чиновников. И вот самое интересное – в самом центре города, на Большой Морской, появились баррикады. Чем не повод ввести войска!

Сообщения Уайта подтверждались отснятыми кадрами. Публика понимающе и одобрительно кивала. «Синие пиджаки» наслаждались зрелищем, довольно кряхтели и улыбались, предвосхищая аплодисменты.

– Вот здесь-то на авансцену истории выходит Марионетка. Ничего, что он себя таковым не считает, а возможно, как все его предшественники, и не ощущает. Принимая присягу Украине, украинские добровольцы батальона «Нахтигаль» выполняли приказы Вермахта!.. Тогда ими командовал Роман Шухевич*. Сегодня в нашем распоряжении Президент Юльченко. Он слаб, у него самый низкий рейтинг, и он как никогда нуждается в наших деньгах, ибо Украине грозит дефолт. Юльченко вводит своим указом в Крыму военное положение, разгоняет с помощью спецназа демонстрантов, чем вызывает яростное сопротивление. И сохраняет свою власть. Нашу власть. В его случае это единственный способ усидеть

на раскачанном троне. Противовесом крымским сепаратистам и кубанским казакам станут вооруженные отряды украинских националистов УНА-УНСО, неплохо зарекомендовавшие себя в Грузии и крымско-татарское ополчение. Оружие для татар заблаговременно доставлено в схроны на пиках крымских гор... А вот, что происходит прямо сейчас, в данную секунду... Мой оператор снимает это во Львове.

На экране явилось изъеденное оспинами лицо украинского президента Юльченко. Он вещал с трибуны, установленной у Оперного театра, на том самом месте, где раньше стоял постамент Ленину. Его «сечевы стрельцы» разукрасили свастиками и снесли с помощью крана еще в девяносто первом.

– Шановни громодяне!!! – упивался поддержкой толпы Президент. От памятника Адаму Мицкевичу до театра волновалось людское море. Народ скандировал «Геть москали!», кричал «Гоньба!», держал в руках портреты Степана Бендеры, обласканного, а затем преданного анафеме гетмана Мазепы и объявленного президентом Юльченко национальным героем Романа Шухевича, провозгласившего украинскую независимость именно здесь, во Львове, на площади Рынок и отправленного за это тогдашними псевдо-покровителями Украины в концентрационный лагерь Зальценхаузен. Сперва отправленного в лагерь за национализм, потом за него же выпущенного...

– Оккупанти! Значала газова атака, а тепер убийство людей! Объявляю Посла России Персоною нон-грата! Распус-

каю раду и ввожу своим указим Чрезвычайне положення на Украине и комендантский час у Криму! – вторил толпе Президент.

Здесь же в сквере активисты из УНСО под присмотром Беспеки составляли списки добровольцев, формировали отряды, раздавали с грузовиков автоматы и гранатометы. Затем кто-то зачитал из прошлого послание Степана Бендеры, увещевавшего о необходимости перманентной борьбы с имперской Россией.

Рядом с Юльченко переминался с ноги на ногу отлученный от Церкви Московским патриархом раскольник Филарет, он же Денисенко, глава автокефальной, независимой от Москвы украинской церкви*, а у собора Святого Юра, цитадели греко-католиков снаряжались на «святую борьбу с москалями» капелланы. Истерия достигла пика, когда в народ выбросили листовки с изображением растерзанных в Севастополе эсбэушниках. И тогда кто-то крикнул:

– Бендера – наш стях! Петлюра* – проводник! Бей москалив!

Толпа ринулась к вокзалу и к гостиницам. Там можно было кого-нибудь поколотить и заодно поживиться. Мародеры никогда не дремлют. Русскоговорящих во Львове полно, пусть даже они украинцы! В местной раде можно было поднять на дыбу сочувствующих партии регионов*.

*Роман Шухевич – он же Тарас Чупринка, покончил

жизнь самоубийством в 1950 году выстрелом в висок в момент захвата его штаб-квартиры отрядом МГБ в пригороде Львова. Считается наряду с широко известным Степаном Бандерой символом украинского национализма (музей Степана Бендеры, где хранятся его личные вещи, окровавленная после покушения в Мюнхене одежда и посмертная маска, расположен в центре Лондоне, на улице Ливерпул роуд, 200).

Представители УНА-УНСО оправдывают сотрудничество Шухевича с гитлеровцами, злодеяния возглавляемых им объединенных легионов «Роланд» и «Нахтигаль» против белорусских партизан, львовских евреев и поляков, а так же московских большевиков принципом «Враг моего врага – мой друг». Логика националистической войны украинцев в борьбе против всех, кто посягает на «незалежность». В разные периоды истории это были Польская шляхта, Крымское ханство, Московское царство, Австро-Венгрия, большевики. Союзы всегда были временны, продиктованы текущим моментом.

*Разжигание межэтнических противоречий на Украине имеет, как и в годы Второй мировой войны, явно выраженную религиозную составляющую. Сформированная в 1944 году по приказу Гимmlера дивизия СС «Галичина» целиком состояла из добровольцев, в которых не было недостатка. Ее создание было одобрено католической церковью. Зверства украинских эсэсовцев и полицаев документально подтвер-

ждены. Заживо сжигались не только украинские, белорусские, польские и словацкие села, но и еврейские гетто и синагоги. Тысячи еврейских детей сгонялись на верную смерть. Сегодня украинский национализм направлен не против евреев, сегодня поляки и турки – союзники Киева, теперь он носит явно выраженный анти-российский характер, сопровождающийся санкционированным властями расколом православной церкви, попытками уговорить Вселенского Константинопольского патриарха легитимизировать Автокефалию вопреки Москве и активным прозелитизмом (мессионерской деятельностью) на Украине Ватикана.

*Симон Петлюра – лидер украинских националистов в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Подобно «любимцу Петра» гетману Мазепе, переметнувшемуся в стан шведского короля Карла, Петлюра, мог в удобный момент для провозглашения украинской «самостийности» и организации похода на большевиков воспользоваться покровительством Польши и Румынии. При этом мог обвинить Раду в пособничестве немцам. В определенный момент был готов стать союзником Антанты и Деникина, в другой – примириться с большевиками. Так же, кстати, поступал и украинский батько Нестор Махно. Ни белые, ни красные из-за недоверия к националистам и своих великодержавных амбиций на долгосрочный союз с махновцами тоже не шли. Петлюра был убит в Париже евреем, отомстившим за смерть своей семьи во время петлюровских погромов. Николай Го-

голь еще в «Тарасе Бульбе» ярко описывал истоки украинского антисемитизма на примере погрома еврейских торговцев казаками Запорожской Сечи, поводом которому послужил навет о сотрудничестве «жидов со шляхтой».

*Подавляющая часть народа Украины последовательно выступает за братский союз с Россией и обладает большой политической силой, представленной в Верховной Раде. В основном сторонники сближения с Россией сосредоточены в Восточных и Южных регионах страны.

– Хай живе вильна Украина! Подавитесь газом, кляти москали! – экран передавал неистовство на улицах Львова. Президент фактически начинал войну на собственной территории. Такова была функция короля, который лишь мнит себя фигурой, будучи Марионеткой истинного игрока.

Пол Уайт изобразил задумчивость на своем остроугольном лице, увенчанном голубоглазыми желобами, которые, как казалось присутствующим, не были равноудалены от его орлиного носа. Он поправил свой рыжий чубчик, почесал лысый затылок, затем он вздохнул и продолжил снова:

– Следующим ходом, он уже согласован, будет арест спецподразделениями МВД и СБУ Украины командования Черноморским флотом от командующего до командиров дивизий и бригад включительно. Штаб флота решено оцепить национальной гвардией, заблаговременно отключив связь с Москвой. 30-ая дивизия надводных кораблей, дивизия ра-

кетных катеров и бригада охраны водного района в бухте Стрелецкая будут нейтрализованы войсками. Береговые войска взять под контроль несколько сложнее. Морская пехота, дислоцирующаяся в бухте Казачья – сущая головная боль. Но к тому моменту, полагаю, Украина обратится за помощью к мировому сообществу. Русские назовут приход нашей эскадры в Черное море интервенцией и новой Крымской войной. Но разве важно то, какие дефиниции используют русские. А теперь самое интересное. А самое интересное произойдет в России... Я рассказал вам о Пешке, Поводе и Марионетке. В моем арсенале еще три фигуры: Слон, Конь и Ферзь... Мессия, Рабочая лошадка и Телекиллер. Внимание на экран, вот Мессия нашей революции!

На экране появилось лицо Михаила Хиросимского.

– Будучи на свободе Хиросимский финансировал как правые, так и левые партии, считая их весомым противовесом тогда еще не окрепшей вертикали авторитарной власти. На его взгляд, сегодня единственной фрондой остаются левые. На самом же деле он всегда был далек от народа. Показательно, что Кремль не побоялся этапировать его из Читы в Москву на слушание очередного дела. Русские прекрасно понимают, что массам плевать на Хиросимского.

Но в одном он прав. Расшатать российскую власть можно только изнутри. Это так. Вы, джентльмены, и я рад этому, не поддаётесь идеологическим стереотипам и прислушиваетесь к Хиросимскому. План «Либра» не отрицает исполь-

зование в целях деструкции и подрыва рекомендуемых Хиросимским левых экстремистов. Но концепция управляемого нами хаоса намного шире. Наш авангард – не только левые. Их активность, конечно, обеспечена. Она порождена завистью, желанием экспроприации, чувством несправедливости. Только нищие умеют по-настоящему ненавидеть власть – зажавшуюся, коррумпированную, надменную. Они легко пойдут на кровь.

Но нам потребуется не только классовая борьба, но и разделение по этническому признаку. Как можно более мелкое национальное крошение, а лучше, религиозная война. Шаг первый – дестабилизация в Ингушетии и Дагестане, шаг второй – столкновения в Крыму, шаг третий – бунт в Москве. Для всего этого потребуется один Мессия и много вождей, наших Рабочих лошадок. В национальных провинциях ими станут наши эмиссары и не обласканные Кремлем элиты. В Москве нашим инструментариумом будет человек-загадка по фамилии Соболевский. Он тягловая лошадь нашего проекта. Здесь я прошу поверить мне на слово. В России в момент бунта лучше всего положиться на легендарного гангстера. А Соболевский – это самый кровавый гангстер, которого я когда-либо знал. Вы спросите меня, не порождаем ли мы нового Бена Ладена. Лично я выбираю меньшее из зол. Дестабилизация России, ее ослабление – первостепенная задача. .. Ну, а Мессия сегодня вышел на свободу из зоны в Читинской области. Прямой эфир из провинциального города Красно-

каменска Читинской области...

Хиросимский сел в вертолет, поднялся на его борту ввысь. В километре от земли прогремел мощный взрыв, раздробивший вертолет на мелкие куски... Зал ахнул, хоть и предполагал такой исход. Честнее, был заранее оповещен о подложенном взрывном устройстве.

– Да, да, господа. Только мертвый пророк может считаться Мессией. Тем более в жестокосердной России, где брат шел на брата, что мы с удовольствием мечтаем повторить. Ну, а теперь о самом насущном в век информационной борьбы и медиа-войн. О Телекиллере – нашем козыре в рукаве, нашем Ферзе.

Изображение непримиримых российских политтехнологов с накрученными усами и бородами а-ля Столыпин немного разрядило напряженную атмосферу в просмотровом холле.

– Парадоксально, но на нашей стороне московские эксперты-бородачи, усачи новой, а вернее, хорошо забытой, провокаторской плеяды, выступления которых сейчас востребованы в Москве, как никогда. Ура-патриоты, как ни странно, наши союзники. Они нагнетают атмосферу этнической и религиозной ненависти не хуже наших СМИ. Но нам нужен свой информационный киллер, который будет слушать Суфлера. То есть меня с вашего позволения.

Цепь политических убийств, замораживание счетов российских фирм на Западе – ничто в сравнении с телевизион-

щиком, которому доверяют. Мы почти у цели. Думаю, скоро мы получим нужного человека, недостающее звено нашей цепи. Нам не придется дискредитировать российские источники информации. Достаточно будет иметь в них своего человека. За нами не заржавеет. Мы умеем существенно опережать подачу информации. Мы первыми расскажем о событиях, даже, о тех, которых не было. С высадкой американцев на Луне ведь получилось, не смотря на то, что звездно-полосатый стяг на флагштоке колыхался на ветру, которого там нет.

Итак, Россия, должна услышать о восстании, о бунте. И даже, если он провалится, что скорее всего и случится, центральные российские каналы устами самых популярных тележурналистов, заявят о том, что тоталитарный режим низвергнут. Пока русские будут приходить в себя, с ними легче будет разговаривать, они станут, куда уступчивее. Это еще одна мысль, которую я хотел бы до вас донести. План «Либра» успешен по определению. Он беспроигрышен даже в случае неудачи.

Как вам, господа? Кстати, я прошу оценить наш план не аплодисментами, а чеками. Это моя американская традиция. Так что будьте снисходительны, как я стоически переношу ваши ритуалы. Моя помощница пройдетя по рядам. Пожалуйста, господа. У Маргарет две шляпы. Соломенная – для жертвований на организацию последующих этапов проекта, шляпа из латекса – для ставок на тотализаторе. Напоми-

наю, ставим только на количество убитых, раненые и пропавшие без вести не в счет. Только на убитых, джентльмены. Отдельно – на убитых в Украине, отдельно – в России.

Ассистентка приступила к сборам.

– Спасибо, спасибо, да, да, это в шляпу из латекса. – благодарил Уайт, произведший фурор своей презентацией, – В фонде организаторов тотализатора, как и в грузинском проекте, останется лишь 13 процентов. Все остальное пойдет на выплаты выигрышей. Оплачивается пять первых мест. Победят те, кто укажет данные по убитым в нашей новой игре с минимальной погрешностью...

– Мистер Уайт, – куратор из Лэнгли, единственный, если не считать Уайта, на этом собрании, чуть было не отвлек соотечественника, – Вот, кстати, тот египтянин, которого Вам поручили сюда доставить.

На него широкими глазами смотрел человек в халате с наручниками на руках. Уайт не растерялся. Он извлек из кобуры свой «смит vesson» и выпустил в грудь террориста две пули. Одна попала в сердце, другая в область живота. Комментарий Уайта был краток:

– Когда я иду на «русского медведя», мух я щелкаю без разбору.

И снова поведение международного авантюриста восприняли с восторгом. Труп унес все тот же привратник, ассистентка продолжила сборы. Цифры на чеках впечатлили Суфлера...

Пол Уайт уже предвкушал наслаждение комфортным перелетом в Россию. Безусловно, это будет частный самолет с белыми креслами, шестом для стриптиза и топлесс-стюардессами. Он уже летал на таком, принадлежащем одному из присутствовавших здесь банкиров. Летал в бразильский Рио. Там у его кураторов из ЦРУ и нынешних партнеров тоже были интересы. Они давно пытались поссорить Бразилию с Венесуэлой... Им до всего было дело. Теперь они зажглись идеей приготовить с его помощью суп из топора для непримиримой России. На ближайшие несколько месяцев Суфлер был обеспечен высокооплачиваемой работой.

На следующий день Пол Уайт решил прогуляться по Лондону. Он подразнил лебедей в Гайд-парке, сверил часы по Биг-Бену*, прогулялся по набережной Миллбанк, что соединяет Парламент с галереей Тейт. Туда мистер Уайт направился вовсе не из желания полюбоваться полотном Уильяма Блейка «Сострадание». Отсюда открывался превосходный вид на офис британской разведки MI6. Весь вечер он ходил угрюмый. Размышлял о предстоящей поездке в Россию, о Штатах и Британии. Напоследок он плюнул в Темзу с Тауэрского моста, заключив, что впредь будет думать только о себе...

*Биг-бен – официально: Clock Tower. 97-ми метровая часовая башня, знаменитая своим 13,5-тонным колоколом. Входит в архитектурный ансамбль здания Парламента. В пе-

риод работы парламента с наступлением сумерек на башне включают прожектор.

Глава 9. По стопам Фауста разными тропами

Я ожидал Лорда на модной веранде клуба «Сохо румз», восстающего из пепла всякий раз наперекор периодическим рейдам Госнаркоконтроля и потугам старой гвардии «промоутеров-погорельцев» возродить былую славу сторевшего «Дягилева» на площадке утонувшего «Форбса». Можно ли реанимировать труп искусственным дыханием, даже если во время вдохов и манипуляций с грудной клеткой приговаривать: «Мы семья...»?

Из динамиков звучал фул-фэшн-хаус от ди-джея Джэфа, последнего из Могикан R&B-культуры Москвы, который став респектабельным промоутером «Сохо» попрощался с рэпом навсегда.

Здесь еще находились люди, кто воспринимал меня как звезду, норовил посадить к себе за депозитный столик стоимостью в пять тысяч евро и угостить чем-нибудь. Как мне все это надоело, однако мне было четко сказано дожидаться Лорда здесь, на Саввинской набережной, в клубе с двойным фэйс-контролем и кучей как прооперированных старлетов, так и молоденьких студенток «fresh look»*, которым все равно было далеко до Евы Мендес, а значит, до меня...

*fresh look – свежий взгляд (англ.). Лицо без косметики,

минимальный «мэйк ап». Стиль, вошедший в моду как отражение естественной красоты и натуральной молодости.

Нервы влили в меня двести грамм коньяка за счет какого-то олигарха-лайт, обнявшего меня при встрече. Должно быть, мы где-то пересекались. Во всяком случае, он напомнил мне про какую-то Таню из «Эгоиста Голд», которая теперь с ним. Стало быть, раньше она могла быть со мной. Моя догадка не подтвердилась даже, когда мне представили Таню, но я выпил еще пятьдесят за ее здоровье.

На сцене «Сохо» чествовали наших олимпийцев, которым спортивное руководство позволило расслабиться и выпить по бокалу шампанского в самом модном ночном клубе сразу после ужина с президентом. Ведущая Марика заголосила хвалебные оды в адрес российских синхронисток, две африканки нигерийского происхождения, урожденные в Твери сестры Дарья и Агнета Ойеволле устроили на сцене боксерский поединок, а девочки –гоу-гоу, довольно посредственные, если не брать в расчет мулаток Ойеволле, вполне сносно, но не очень синхронно исполнили танец с обручами.

Все тот же полуолигарх представил меня знаменитому борцу-вольнику Хасану Бароеву. Моя ладонь утонула в его рукопожатии, и я прочитал в глазах именитого спортсмена растерянность, рожденную скромностью и аскетизмом самоотверженных тренировок. Хасан был чужим на этом празднике жизни и, возможно, таджика из Осетии никогда не пустили бы в этот пафосный клуб, не прославь он Россию в Ки-

тае. Не пустили бы его и в мини-Дягилев «Famous», в «Пачу», даже в «Рай», не прошел бы он и в цех для расфасовки «белого чуда», функционирующий под псевдонимом «Крыша мира», хоть все и догадывались, что крышей у этого мира может быть только Госнарконтроль. Не попал бы он и в «Калину-бар», не приди он туда в сопровождении знающих его и известных в тусовке людей. На татами он был хозяином, здесь он был случайным гостем. Сегодня он, ставший героем дня в Пекине, был героем ночи в Москве, ведь на очередном состязании он опять всех поборол. Главное, вовремя сняться с крючка, наживкой для которого служит тщеславие. Я смотрел на Хасана, видел его глаза. Он справится. Этих парней, чемпионов, не проведешь на мякине. Они не прельстятся на обманчивый звук медных труб, ведь их победа заслужена кропотливым трудом. Так что лучше мне подумать о себе...

Диско-хаус и R&B неожиданно сменились гимном России и по команде Марики вверх подняли два российских триколора. Я встал и пропел слова советского гимна. Только их я помнил. Наши синхронистки, из которых одна была просто обворожительна, знали слова российского гимна наизусть. Лазерное шоу и видео-коллаж о тех видах спорта, где мы стали лучшими, был навеян окончательно возродившимся при «дуумвирате» патриотизмом. Я искал глазами трехкратного героя-чеченца Бувайсара Сайтиева, который в свои тридцать три положил на лопатки самых сильных «вольников» мира, но не нашел его. Ну, конечно, чего здесь делать истин-

ному борцу, избравшему своим главным оружием выдержку и мудрость. Этих качеств так не хватало мне, может, поэтому я думал о Чемпионах, об истинных борцах, которые, побеждая, всегда оставались самими собой.

Выдувальные машины залили потолок золотым серпантинном. Все были довольны. Особенно спортсмены – им вручили золотые клубные карты «Limited edition» доселе неприступного для них «Сохо-румз»...

Сегодня звонили из «шоколадного царства», требовали объяснений. А как им объяснишь, что бабки испарились вместе с импресарио. Триста десять тысяч евро. Не продавать же собственную квартиру! Кто такой этот Лорд? Может бандит? Лучше бы он был из аппарата Президента. Эх, выбирать не приходится. Даст ли деньги этот таинственный человек? А если даст, то на каких условиях, что попросит взамен? Нужен ли кому такой пропащий человек, еще и обремененный хронической звездной болезнью? Неудачник... Я заказал «эспрессо» и тут же отменил заказ.

Рядом нарисовался верзила, шея которого начиналась от макушки и плавно переходила в плечи. Даже Хасан Бароев смотрелся бы рядом с ним подмастерьем.

– Максимов? – спросил человек-гора.

– Да, – кивнул я.

– Лорд сказал отвезти тебя в офис.

«Хаммер» с хромированными дисками-вертушками показался мне моветоном. Он довез нас с верзилой до ули-

цы 1905 года, попетлял по переулкам возле «Марио», единственного в Москве ресторана с «крэйзи-меню», и притормозил у бронированных ворот неприметного серого здания с крохотными зарешетчатыми окнами. Водитель опустил стекло на дверце и что-то буркнул в радиомикрофон, закрепленный на стальном столбике. Ворота без скрипа поднялись, и джип въехал в закрытый, окруженный мрачными стенами дворик.

Верзила «сдал» меня охраннику в камуфляже, и тот проводил меня ко входу. Когда массивная железная дверь открылась, он молча указал рукой, куда именно мне следует идти. Это был длинный коридор. Дверь сзади захлопнулась. Ну что ж, по крайней мере, передо мной не стояла дилемма. Идти предлагалось только прямо по коридору. Там, впереди, еще какая-то прозрачная дверь.

«А чего я хотел? Обычная практика аудиенций сильных мира сего с просителями. Сначала ходатаям указывают на их место, заставляют томиться в ожидании приема или блуждать по темным лабиринтам в поисках нужной двери, и лишь после унижительных процедур и потных очередей великодушно выслушивают. Все по протоколу. Все в соответствии с моим нынешним статусом. Этот парень дает понять, что слишком крут, чтобы встречать такое говно, как я, у центрального входа». – мое большое самолюбие не убило меня только потому, что я все еще чувствовал ответственность перед съемочной группой. Но нервы мои были на пределе. Еще

чуть-чуть – и мне бы было на себя наплевать. Какое сладостное чувство! Возможно, хороший симптом на пути излечения от тщеславия. И все-таки, я тешил себя иллюзиями и незамерзающей в моей тлеющей «звездной душе» надеждой. На чудо, на спасение, на реинкарнацию...

Прозрачная дверь открылась сама, как только я приблизился к ней. Наверняка сработала от фотоэлементов. Я вошел в огромных размеров холл, уставленный белой кожаной мебелью и стеклянными столиками в стиле кокаиновых чилл-аутов. Мексиканские кактусы хорошо сочетались с белыми мониторами. Я всегда полагал, что белый с зеленым – это стильно. Хорошо, что здесь не было потолочных зеркал и свисающих хрустальных шаров. А то я ненароком мог забытья и представить, что снова оказался там, где коротают время одинокие путники в поисках безбрежного океана фальшивой любви. Когда я начинаю изъясняться вычурно, это означает, что я расслаблен. Да, признаюсь, интерьер меня расслабил. Я понемногу пришел в себя и настроился на встречу.

Расслабиться до предела не позволили динамики телемониторов, вмонтированных в стены по всему периметру холла. Они источали знакомый пилящий голос новой суперзвезды, зажженной штучными политтехнологами и взлелеянной общей деградацией. Я уже упоминал о том, что Минай Сергеев не нравился мне ни как автор, ни как ведущий, но иногда его невротические похихикивания сменялись подкупаю-

щей растерянностью поверженного филином кролика, беспомощного, слезливого и одинокого. В эти моменты мне становилось его жалко, и я готов был проклясть себя за то, что однажды, в хмурый зимний вечер выбросил его книгу из окна. В эти минуты я начинал жалеть и того таджика-гастарбайтера, что решил перетащить какое-то барахло с мусорки в свою коморку и был внезапно атакован с воздуха. Благо, обошлось, хотя таджик долго не мог оправиться от внезапной воздушной атаки, и дал себе зарок никогда не покушаться на секунд-хэнд.

В отличие от нервного срыва азиата замешательство Миная было скоротечным, и моя жалость так же мгновенно улетучивалась. Я отдавал себе отчет – нельзя снисходительно относиться ни к популяризаторам неканонических апокрифов типа Дэна Брауна, ни к компеляторам интернет-доменов типа Миная. И все же я ненавидел его за тот карт-бланш, который давало ему реноме человека из Администрации. Ненависть – не всегда зависть. Иногда люди просто ненавидят то, что считают плохим. А я всегда считал себя хорошим. Хотя нет, я все же завидовал богатому убранству павильонов, где снимали его программу.

Минай поучал со всех экранов, корча из себя знатока жизни. Я не слышал его, заняв себя осмотром помещения. Я окинул взглядом все углы и наконец заметил сидящее в мягком кресле напротив самого большого монитора живое существо. Темноволосая девушка в кожаном топике, в шортах,

довольно молодая. Холл был огромным, так что лицо ее из за почтительного расстояния я разглядел не сразу. Издалека можно было разобрать лишь то, что ее ноги были изящно закинута одна на другую, и что эти ноги было неплохо сложены, учитывая, как мне нравятся острые коленки и тонкие щиколотки, диаметр которых я способен оценивать с погрешностью в сантиметр на глаз метров с тридцати. Это мой личный рекорд, и он есть в книге рекордов Гиннеса. Тем, кому не интересно, что случилось дальше, может немедленно обратиться к вышеуказанной книге с тем, чтобы разыскать в ней подробности установленного мной рекорда. Для остальных, их осталось как минимум двое, ты, мой верный читатель и ты, мой въедливый критик, продолжу описывать девицу.

Ее длинные пальчики сжимали мундштук из слоновой кости. В нем дымилась сигарилла. Она отрешенно наблюдала за происходящим на экране и, судя по всему, ей не было ровным счетом никакого дела до того, что я ее узнал и обозначил свое присутствие восторженным приветом.

Я кашлянул и поздоровался вторично:

– Добрый вечер, я – Влад Максимов.

Хотя этот холл никак не подходил для сравнения с пустыней, мой голос остался гласом вопиющего без малейшей надежды на отклик. Наверное, голос Миная, нравился Инессе Заречной больше. Она смотрела только в телевизор. Дразнила меня, что ли!

Я в который раз опустился с небес на землю: «Такой красоте можно простить негостеприимство, хотя вряд ли она здесь хозяйка. Ну, конечно, она фаворитка этого таинственного Лорда»... Эта мысль меня обозлила и успокоила одновременно. Люди амбивалентны не только в период стресса. Они метаются даже в состоянии полного релакса. Такова природа человека – все время надо что-то решать. С ней тоже надо было что-то решать. Я плюхнулся в соседнее кресло, не предприняв в следствие своей нерешительности ни малейшей попытки привлечь ее внимание к своей персоне. Так становятся мазохистами.

Исходя из факта, что единственная обитательница этого холла явно не была расположена к беседе, мне не оставалось ничего, кроме как смотреть эту низкопробную, но высокорейтинговую чушь по телевизору. На мгновение мне показалось, что все-таки я завидую Минаю. На него смотрела и его слушала девушка небесной красоты.

– А теперь переходим к главной части нашего телешоу, – захрипел ведущий после очередной рекламной паузы, отрадно отметить, что наша программа продолжает оставаться самой популярной от Камчатки до Калининграда, от Норильска до Караганды и, конечно, от Москвы до Брайтон-Бич, где ради нас давно запаслись тарелками. «Взлеты и падения» – оставайтесь с нами.

А с вами сегодня, как всегда, – счастливчик и неудачник. Два человека, находящиеся по разные стороны капризной

фартуны. Схвативший за хвост жар-птицу, идол тинейджеров, рэпер Фронтмен в белом квадрате.

И его сегодняшней антипод , белая полоса жизни которого сменилась черным квадратом нашего ток-шоу, публицист Александр Порханов, еще недавно считавшийся рупором Кремля или, по крайней мере, его буревестником. Однако, после активного лоббирования им положительного решения относительно условно-досрочного освобождения УДО Михаила Хиросимского, господин Порханов, похоже, впал в немилость. Иначе никак не объяснить его нынешнюю критику власти. А ведь власть сделала ровно то, чего хотел Порханов. Она сооблаговолила освободить опального олигарха, не смотря на новые обвинения.

– Но продолжает терпеть унижение наших граждан в Крыму! – выкрикнул нетерпеливый гость. В этот момент я вдруг подумал, что он просто жаждет крови, и по большей части славянской, но потом усомнился в своем предположении. Это норма для возомнивших себя мессиями и пророками – быть кликушами и провокаторами. Их тоже надо выслушивать, часть из того, что они говорят надо брать на вооружение, другую часть надо рассматривать как вооружение противника. Они могут быть антисемитами и сионистами, православными и адептами «Хамас», красными, белыми и коричневыми одновременно. Их души настолько всеобъемлющи, что вбирают в себя всю генеологию морали, но не способны отсортировать по полкам добро и зло. Это за них на-

до делать власти, делать взвешенно и скрупулезно. При этом пускать во власть их означает разрушить то, что они провозглашают построить. Разрушить ту самую либеральную империю, которая пока есть мечта. И моя тоже.

– Мы вернемся к проблеме Крыма и Севастополя позднее, – пообещал ведущий. – Итак, не смотря на то, что наши гости рождены в разных эпохах и реализовали себя в разных сферах деятельности, их роднит скандальная репутация. Ничто так не поощряется звездами, как маленькие скандалы вокруг их имен. Оговорюсь, я веду речь о маленьких, зачастую это могут быть даже не скандалы в широком понимании слова, а некие откровения, безобидные признания, разглашения простительных шалостей. Иногда такого рода организованные скандальчики подогревают интерес публики, служат хорошей рекламой. Эдакий «промоушен» на фоне угасающей славы способен воскресить угасающую звезду. Я не о себе, – сострил Минай, и массовка павильона одобрительно взвизгнула.

– Это он о Вас, – обидная реплика слетела с уст молчаливой Инессы и адресовалась мне. Надо же, мое брренное тело все же находилось в помещении и его соблаговолили заметить.

– Вы тоже в курсе, – деланно не оскорбился я, – Спасибо, что отслеживаете все перипетии моего творческого пути. Приятно, когда тебя помнят, даже если с тобой не здороваются. Возможно, это не от бескультурья. Нас, звезд, просто

стесняются. Особенно робеют перед теми, кто имеет вес, за чьими плечами большой послужной список, кто не вынырнул из ниоткуда. А сделал себя сам, не расставляя ног и не подставляя попы...

– Это в деревне все друг с другом здороваются! – настал черед обижаться Инессе.

– Да, я, кажется, слышал, что Вы родом из деревни. – показал я свою информированность, – Поселок имени Тельмана Роменского района Московской области. Тот самый, до которого от Таганки по Рязанке рукой подать. Надо ехать через Октябрьский, там еще стоит жуткая вонь от разделочных цехов птицефабрики. Вы до того, как прийти на телевидение, не там работали?

– Там! Разделялась с такими гусями, как ты!

– О, мы уже на ты, прям как родные...

Оказывается, она была грубиянкой. Ну, и мне, положим, палец в рот не клади. Хорошо, хоть мое слово в этой искрометной ссоре было последним. Мы оба уставились на экран, произвольно искоса поглядывая друг на друга. Признаться, на экран я смотрел с гораздо большей брезгливостью, чем на неприветливую красотку. Что скрывать. Она была высший класс! Я вновь заподозрил ее в интимной близости к загадочному Лорду.

Был повод удивиться самому себе. Раз меня все еще волновала женская плоть, значит, до паники мне было далеко. Хоть мне и говорили, что долг в триста тысяч евро с хвосты-

ком может послужить предпосылкой к мрачной эпитафии у дешевого надгробия.

Я, невзирая на свою религиозность, и наперекор суеверию, набрался дерзости пофантазировать на эту инфермальную тему. Я попытался придумать некий «слоган» для собственного обелиска из гранита-габбро, который сгодился бы в качестве эпитафии. Мои поэтические таланты не срабатывали, мозг не выдал ничего приличного, даже просто подходящего, кроме издевательского «Здесь был Владик». Я предположил, что это к лучшему...

В холл зашел маленький человек в теннисном костюме, возникший черт знает откуда. Следом за ним вбежала огромная взрослая обезьяна породы шимпанзе. Налицо была наглядная агитация в пользу неприемлемой для меня теории Дарвина. И это Лорд? Такой маленький, кривоногий полуинвалид. Я ожидал увидеть нечто более впечатляющее, правда, глаза этого карлика сразу утопили меня в моей собственной ничтожности. Это были большие черные глаза. Быть может, они и не были иссиня-черными, но окаймлявшие их густые черные брови и чистые без кровяных капилляров белки делали эти зрачки черными, как ночь.

«Какая разница, кого напоминает мне этот мифический персонаж из страшного сна, главное – деньги и его протекция, – стрельнуло в моей голове, – говорят, этот дядя не любит, когда ему начинают вешать лапшу на уши, тогда как же выпросить у него деньги? Что ему сказать, какое партнерство

предложить? В этом деле докой считается Зеленгольц, будь он неладен. Моя прерогатива – контент-содержание, творчество, идея. Идей не было. Дядя уже наверняка сделал пару звонков, и ему на блюдечке преподнесли, что я – всего лишь чирий на попе Фридмана, и тот уже выдавленный, что было отраднo, но бесперспективно. Ведь свободные хлеба часто оборачиваются трансформером в идиому «не соло нахлебавши».

– Добрый день, – поздоровался вежливый карлик, и его контральто заполнило пространство. – Простите, что заставил вас ждать.

Карлик протянул мне руку, которая в моей ладони чувствовала себя примерно так же, как моя кисть в ладони Хасана Бароева.

– Я и есть Лорд, – вздохнул Карлик, буравя меня своим взглядом, – в лицо я мало кому известен, меня знают только свои. Надеюсь, мы станем своими, чтобы Вам не пришлось забыть мое лицо. Просто, те, кто не приживается среди тех, кого я начинаю считать своими, должны меня забыть добровольно, чтобы не пришлось делать принудительную височную лоботомию.

В этих словах присутствовала угроза, но я «съел» ее в ожидании более конкретной информации, а возможно, повода высказаться самому.

Карлик не дал мне этого сделать и представил девушку, с которой я уже заочно познакомился:

– О, как неловко. Здесь же Инесса! Инесса Заречная. Хозяйка нового ошеломляющего проекта «Детектор лжи». Вы знакомы? Нет. Тогда, с Вашего позволения, я представлю Вас друг другу. Влад Максимов. Инесса Заречная.

Девушка, как ни в чем не бывало, кивнула, едва заметно улыбнувшись уголком рта.

– Инесса, ты, кажется, хотела обсудить со мной что-то важное, – обратился Лорд к девушке, – или это конфиденциально? Да. Дворецкий проводит тебя в мой кабинет, а мы с Владом пообщаемся прямо здесь.

Лорд нажал на кнопку пульта, и на экране вместо Миная появилась лысая физиономия в клоунской оранжевой бабочке.

– Слушаю. Хозяин, – произнесла говорящая голова.

– Проводите Инессу в мой кабинет, и сюда два кофе, – приказал Лорд, гордый своим теле-ноу-хау с вызовом слуги, которое по мне выглядело на порядок банальнее, чем дешевые часы «Свотч» на запястье Дерипаски, чем реал-трансхаер на голове Потанина, чем подобострастная улыбка Абрамовича в присутствии президента. И даже чем «петушок», водруженный на макушку хозяина Братского алюминиевого завода, усиливающий впечатление от октябрьского значка на его поношенной дубленке. Большие оригиналы. Любят выделиться. Но не могут спрятаться. Малые дети, эти олигархи. Но они бывают и злы, как малые дети, пока еще не осознавшие, что белый свет существует за счет сострадания

к людям. Не стоило злить карлика, поэтому я все еще не выронил ни слова. Ведь проникновенная речь прирожденного оратора могла затмить все его никудышные спичи и дешевые понты, и тогда он не даст мне денег.

Оставшись со мной наедине, Лорд отпил глоток эспрессо из фарфоровой чашечки и откинул в сторону церемонии:

– Ты, братец, влип по самые гланды, не так ли? Надеешься раздобыть триста тысяч у меня, да? В долг или безвозмездно? Ах да, мне передали твои записи. По-твоему, это похоже на грандиозный супер-проект, от которого зашкалит рейтинги? Ты, похоже, слеп. Сними розовые окуляры, мальчик. Это же детская военизированная игра «Зарница», рассчитанная на скаутов, которых в этой стране никогда не было. Здесь были пионеры, мы все были пионерами. А пионерам нужна революция! Понимаешь, революция! Бунт! Мятеж! Ты надеешься раскрутить этот понос? Глупая затея, – Лорд отвернулся так же резко, как и замолчал. От меня отвернулась и его обезьяна, до этого проявлявшая ко мне почти родственный интерес.

– Я... прошу прощения, – кашлянул я в ответ. – Я, наверное, пойду...

Если честно, у меня подкосились коленки, хоть я и не прослыл трусом. Лорд был моей последней надеждой. Теперь придется продавать квартиру. Только сейчас я окончательно осознал, в каком пребывал дерьме.

– Сядь! – повернулся Лорд. – Слушай, что я тебе скажу.

Тот гаденыш, твой агент, импресарио, антрепренер хренов, как там его – Миша Зеленголец... Это ведь я финансировал кукольный проект. И это он посоветовал мне оставить тебя с носом. Никогда не связывайся с жидами и с геями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.